

**Вадим Евсеев
Игорь Рабинер
Футбол без цензуры. Автобиография
в записи Игоря Рабинера**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17039574

*Вадим Евсеев. Футбол без цензуры. Автобиография: АСТ; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-090236-1*

Аннотация

Вадим Евсеев – единственный футболист, выигравший оба «золотых матча» чемпионатов России. Его гол в ворота Уэльса, который вывел нашу сборную на чемпионат Европы 2004 года, останется в памяти болельщиков навсегда, как и легендарный крик в телекамеру «Х... вам!».

В автобиографии Евсеев без прикрас рассказывает о своей жизни, в которой все доставалось ему нелегким трудом, о первых шагах в футболе и первых победах, о переходе из «Спартака», команды своей детской мечты, в главную команду своей жизни – «Локомотив». О людях, игроках и тренерах, помогавших ему стать тем, кто он есть, и попутно вершивших спортивную историю. А также о российском футболе, в котором встречаются большие деньги и их полное отсутствие, договорные матчи и бескорыстная любовь к игре.

Содержание

Предисловие	5
От соавтора	8
Глава первая	12
Глава вторая	35
Глава третья	54
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Вадим Евсеев

Футбол без цензуры. Автобиография

Записал И. Рабинер

Фотографии для настоящего издания предоставлены Александром Федоровым, Федором Кисляковым, архивом музея ФК «Спартак» и семьей Вадима Евсеева

© Евсеев В. В., 2015

© Рабинер И. Я., 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Предисловие

Снимите кино о футбольной совести!

Валерий Баринов, народный артист России

Вначале задумался – а почему, собственно, Евсеев? Ведь в клубах, где Вадим провел большую часть карьеры, – в «Спартаке» и «Локомотиве», были, на первый взгляд, более звучные имена и более талантливые футболисты, чьи автобиографии привлекли бы серьезное внимание. Андрей Тихонов, Егор Титов, Дмитрий Лоськов...

А потом понял – и оценил точность выбора. Ведь при всей его внешне грубоватой манере поведения и выражения своих мыслей именно Евсеев, будучи игроком, был совестью футбольной. Человеком, который всегда говорил правду вне зависимости от того, где, с кем и когда разговаривал. Это было главным принципом и главной ценностью его личности.

Именно это позволяло надеяться, что в книге он предстанет таким же – не прогнутым под изменчивый мир. Так и произошло. Для начала мне очень понравилось название – «Футбол без цензуры», потому что оно точно характеризует Вадима, с которым мы знакомы уже много лет. А потом – и содержание.

Евсеев – особый человек, и не случайно в книге он поражает откровенностью, говоря о деньгах, договорных матчах... При этом он не ставит перед собой цель сделать акцент на закулисной возне, какой-то грязи. А просто говорит, что думает. Бескомпромиссно раскрывает нам свою душу.

Поэтому и ощущения от книги очень хорошие. Иной человек пишет автобиографию, после которой остается гадливое чувство – эдакого саморазоблачения персонажа. Здесь все наоборот – вроде и о себе порой говорит крайне нелицеприятные вещи, и некоторых других не жалеет, а отторжения это не вызывает. Только уважение.

Читая «Футбол без цензуры», я думал: откуда у человека такая смелость? И смог бы я сам такое о себе рассказывать? Пришлось признаться: пожалуй, нет. Но Евсеев – просто такой человек, которому нечего скрывать.

Что касается его знаменитого высказывания после победы в Кардиффе, то я вообще-то противник публичного мата со сцены и экрана, считаю, что чаще всего он идет от недостатка таланта. Ведь искусство должно в том числе учить – и получается, что это вариант поведения, который предлагается публике.

Но тут всё не так. В Уэльсе мат вырвался не от недостатка таланта, а от избыточно талантливой ситуации. Поражаюсь, что о ней еще не написан киносценарий – это же чистое кино, как актер говорю! Прямо перед глазами стоят классные моменты для монтажа! Может, книга и станет точкой отсчета для такого фильма?

Больная дочка в Мюнхене, операция на ее маленьком сердце. Огромное личное напряжение, перелеты в Германию, назад в Москву, потом в Уэльс. И в те же дни – такое же напряжение у страны, которая ждет решающих матчей за выход на чемпионат Европы. Стычка с идиолом Уэльса Райаном Гиггзом в Москве. Весь огромный кардиффский стадион «Миллениум», свистящий и улюлюкающий, как только он, Евсеев, касается мяча. 80 тысяч – не просто против твоей команды, а против тебя одного.

Какую же надо иметь силу воли, чтобы все это выдержать! И как же справедливо распорядился Бог, подарив ему именно в таком матче победный гол, который заставил подпрыгнуть всю страну! Как же здорово, что Евсеев, которому по установке не нужно было бежать в штрафную, вдруг подумал: «Пойду-ка туда!» Пошел – и забил.

Да, Вадик немного обиделся на Ярцева, честно рассказавшего, куда и почему игрок отлучался со сбора. Ну и хорошо, что рассказал. Потому что вся Россия ощущала его драму.

И радовалась за него сильнее, чем в случае, если бы ничего не знала. А потом – этот выкрик-выплеск, который стал сгустком всех его невероятных эмоций в те дни. И та ситуация форму этого выкрика оправдывает.

О том матче, реплике и обстоятельствах вокруг них разные люди вспоминают на протяжении всей книги. Лично мне этот ход очень понравился, потому что ты постоянно возвращаешься к этой вспышке, к яркому моменту, пожалуй, главному в футбольной карьере Евсеева. О нем с разных сторон рассказывают сам Вадим, его замечательная жена Татьяна (чей монолог мне, кстати, вообще очень понравился), близкий друг Александр Маньяков, тренеры, с которыми он в тот момент работал, – в клубе Юрий Семин, в сборной Георгий Ярцев...

Забавно было прочитать мысль, что крик Евсеева – воплощение нашей национальной идеи. А ведь что-то в этом есть. Мы побеждаем, спасаем себя и всех, когда делаем что-то кому-то назло, наперекор. Таков русский характер, а Вадик – истинно русский человек.

Как, кстати, и упомянутые выше Тихонов, Лоськов... Все они пришли в футбол на изломе времен и прошли сложнейшее испытание – деньгами. Но именно такие люди, как они, это испытание с честью выдержали, хотя их никто подобному не учил. О том, как непросто это было, Вадик тоже очень честно рассказывает в книге.

Врезался в память рассказ Евсеева о его детстве, о том, что футбол спас его от улицы, возможно, даже от ухода в преступность. Это очень глубокая мысль, и ее следует обдумать тем, кто считает футбол не более чем забавой, которой напрасно уделяется столько внимания. Для меня же он всегда был особой жизнью, таким сохраненным во мне детством, к которому мне как творческому человеку необходимо возвращаться. А для этих ребят и их жизней он сыграл и вовсе огромную роль.

А сам Вадим сыграл выдающуюся роль лично для меня как для болельщика «Локомотива». Ведь это было самое счастливое время в истории клуба, и уверен, что присутствие в нем Евсеева – отнюдь не случайное совпадение. Вначале пришел Лоськов, который изменил игру, добавил в нее поэзии – но чтобы стать чемпионом, да еще дважды, нужны были такие железные характеры, как Евсеев и Босс, Серега Овчинников. Я обожаю всю их тогдашнюю футбольную банду!

Никогда не забуду победного гола Евсеева «Галатасараю» в Стамбуле – и того, как он, ликуя, полез на решетку стадиона «Али Сами Йен» к нашим болельщикам. Хотя я и не смог тогда полететь с командой и смотрел игру по телевизору, эта его бушующая энергия физически передалась мне через экран. И на следующее утро я пришел давать интервью на НТВ по совершенно другому поводу в костюме с эмблемой «Локомотива». Ведущая удивилась – а я сказал, что после случившегося всю ночь ждал, чтобы прийти на эфир в таком виде.

Точно так же, читая эту книгу, ты физически ощущаешь чувство несправедливости, которое испытал Евсеев, когда Анатолий Бышовец убрал его из «Локомотива». Ведь много лет этот клуб был для него настоящим домом, семьей – и не случайно, что как глава про годы в «Локо», так и монолог Семина о Вадиме читаются на одном дыхании и поражают тебя в самое сердце. И поразят, уверен, всех болельщиков команды, которые прочтут эту книгу. Как и поклонников «Спартака» – спартаковская глава...

Мы не виделись с Вадиком с его прощального матча в мае 2012 года. Меня тогда посадили на скамейку в Черкизове и заставили руководить командой. А я не мог руководить, потому что сидел и просто ими восхищался!

С тех пор с безумным интересом наблюдаю за Евсеевым со стороны. И вижу, что он меняется – не как личность, а так, как и должен меняться человек, который из футболиста превращается в тренера. Вижу, как серьезно он подходит к своей новой работе и относится к игрокам. Верю, что из него может получиться хороший тренер – и что он еще вернет футболу много того, что Игра ему дала.

А пока, прочитав «Футбол без цензуры», я прожил целую жизнь и сделал это с удовольствием. Чего и вам желаю.

От соавтора

Обязательный вопрос, который задавали мне друзья и коллеги, узнав о том, что я работаю над автобиографией Вадима Евсеева: «Она будет называться: «Х... вам!»?

Узнав, что нет, несколько огорчились. Тираж, вздыхали, был бы другим. Публику хлебом не корми, а подай эпатажа. Крепкое словцо в названии, напоминающее о знаменитом евсеевском крике в телекамеру после победного стыкового матча Евро-2004 Уэльс – Россия, давало бы в этом смысле гарантию повышенного внимания. Подозреваю, что и издательство не отказалось бы – в особенности, если вместо двух последних букв первого слова стояло бы многоточие.

Но, на мой вкус, это запрещенный прием. Все равно что удар ниже пояса в боксе или нырок в чужой штрафной в футболе. Да, обезоружить соперника или заработать пенальти подобным образом можно. Но это будет – левый пенальти. За который потом станет неудобно. Нет, не за произнесенную на сильнейшем эмоциональном накале фразу, а именно за такое ее использование.

Собственно, этот вариант всерьез мы с Вадимом ни секунды не рассматривали, хоть он и витал в воздухе. Ведь и сам Евсеев с тех пор изменился, и говорили мне об этом во время работы над книгой не только его жена Татьяна и Гаджи Гаджиев, у которого Вадим играл в «Сатурне» и которому сейчас помогает в тренерском штабе «Амкара».

Рассказывают (правда, сам Вадим это упорно отрицает, но понять его можно), что произошел однажды в Перми такой случай. В перерыве матча Евсеев в спокойном тоне сделал замечание защитнику Бутко: мол, находясь вблизи собственной штрафной, не надо выбрасывать мяч из аута в сторону своих ворот – вырастает опасность ошибки и голевого момента. За Бутко неожиданно вступился другой помощник Гаджиева Андрей Каряка, причем в той самой форме, которую принято считать евсеевской.

Прежний Вадим в такой ситуации мог без раздумий вмазать с правой. Нынешний – стерпел, лишь бросив коллеге, только перешедшему из игроков в тренеры: «Потом поговорим». А потом, после матча, Каряка понял свою неправоту и извинился. Учитывая, что Евсеев – человек незлопамятный, проблема была тут же снята.

В том, что Евсеев уже не тот рубаха-парень, который никогда не стеснялся в выражениях, убедился и я сам. За все двадцать два часа, что мы с ним записали, он не произнес ни одного матерного слова. И даже эти самые бессмертные «Х... вам!», когда было возможно, предпочитал формулировать как «эта фраза».

Но в главном он остался прежним. В той жгучей правдивости и непосредственности, что заставила меня в 2008 году написать в предисловии к его монологу для книги «Локомотив», который мы потеряли»: «Российский футбол без Евсеева потерял бы огромную часть своего колорита. И совести, полагаю, тоже... Многие люди, с которыми довелось общаться, говорят, что не могут себе позволить быть такими, как он. Хотя в душе очень этого хотят».

Так мы и пришли к названию «Футбол без цензуры». С двойным смыслом. В нем – да что там скрывать – есть прозрачный намек на фразу-легенду, но в первую очередь – на отсутствие умолчаний, абсолютную честность повествования. Причем в отношении не только других людей, но и себя. Поэтому когда, вспоминая о периоде после перехода из «Спартака» в «Локомотив», он скажет: «Деньги с неба на голову упали – и крыша немножко поехала» с последующими иллюстрациями, то мало меня удивит. Как и многими другими жесткими формулировками.

В этом, на мой взгляд, и состоит одно из главных отличий этой футбольной автобиографии от некоторых других, изрядно в последнее время нашумевших, лейтмотив которых – «все в дерьме, а я в белом фраке». У Евсеева же и окружающий мир – не дерьмо, и белых

фраков ни на ком не замечено. А сам он – такой же, как и другие. Живой человек, который не может не ошибаться.

Эта книга, невзирая на немалое количество громких фактов, которые в иной стране и расследования бы за собой повлекли, светла по своей сути. Она о том, как не обладавший особым футбольным талантом парень (он любит повторять: «Таких, как я, – тысячи») из очень простой мытищинской семьи, где восемь человек ютились на 60 квадратных метрах, по-бульдожьки вгрызался в те шансы, которые давала ему жизнь, и в конце концов стал известен всей России.

О том, как скромный, даже зашуганный юнец времен начала карьеры превратился в главного правдоруба российского футбола. Неслучайно от многочасовых битв в видеоприставки с Дмитрием Хлестовым он пришел к чтению «Архипелага ГУЛАГ».

И главное – о том, как во имя своей маленькой дочки Полины, которой за несколько дней до игры в Кардиффе с Уэльсом сделали операцию на сердце, он в главном матче своей жизни прыгнул выше своих объективных возможностей – и забил главный в карьере гол. И о том, как родные ему люди, футболисты «Локомотива», скинулись и собрали десятки тысяч долларов, чтобы покрыть часть расходов на операцию...

Не каждому так помогут, согласитесь. И не о каждом с такой готовностью и улыбкой, да еще и так долго захотят говорить для книги тренеры, с которыми прошла подавляющая часть его карьеры.

Связываюсь, например, с Юрием Семиным – и, несмотря на его занятость в «Анжи», который он только возглавил, мы встречаемся в Новогорске после контрольного матча махачкалинского клуба с «Динамо» и полтора часа взахлеб беседуем о Евсееве. Набираю номер Георгия Ярцева – и через пару дней поутру мчусь в манеж «Спартак» в Сокольниках, где они с Олегом Романцевым час повествуют о своем восприятии Вадима. Поздним вечером уже по ходу нового сезона звоню в Пермь Гаджи Гаджиеву – и мы полтора часа толкуем о том, каким Евсеев был игроком и каким становится тренером...

Три часа мы пронзительно разговаривали о Вадиме с его женой Татьяной в их доме в подмосковных Вешках. Так что эта книга – не только рассказ Евсеева о самом себе, но и его портрет, выполненный близкими ему людьми. Таня начала встречаться со спартаковским дублером Евсеевым, еще будучи школьницей – и со смехом рассказывала, как они шли поутру с Вадиком в направлении школы, он встретил знакомого и на вопрос: «Ты куда?» – ответил: «Да вот, жену в школу провожаю».

Я слушал и думал, что в этой непосредственности – весь Евсеев. Который не умеет говорить долго, глубокомысленно, закладывая лихие виражи причастных и деепричастных оборотов. Он говорит просто, кратко, отрывисто. И очень, очень прямо и честно. Не только о хорошем. А еще и о том, как в тот самый момент «съезда крыши» бил водителей, которые его подрезали на дороге. Как кричал непристойности своему любимому тренеру Семину и нелюбимому – Бышовцу. Как срывал футболку «Торпедо» и уходил с поля в Екатеринбурге в знак протеста против судейского беспредела. Как и от каких клубов ему предлагали деньги, чтобы «Сатурн» продал игру...

И юмор у Евсеева особенный, и самоирония. Ни с кем не спутаешь. Вот, например, о контракте с «Сатурном»: «Даже не представлял, что могу столько получать – 750 тысяч евро в год. Я же деньги люблю... примерно как Бышовец. Только заработанные своим трудом, а не прилетевшие из воздуха».

...Эту книгу напроорочил бывший защитник «Локомотива» Дмитрий Сенников. Заявил однажды в интервью «Спорт-Экспрессу», что с нетерпением ждет мемуаров Евсеева: «Это будет хит! В интервью Вадик редко отделяется банальными ответами. Обязательно что-нибудь ляпнет».

Сам Вадим вскоре отреагировал так: «Самому писать тяжело. Нужен помощник. Если кто-то готов и найдет издательство – хоть завтра приступлю. Буду ли откровенен? Абсолютно. Скрывать мне нечего».

Эти слова врезались в память. Во-первых, потому что Евсеев – не из болтунов, которые сегодня что-то скажут и пообещают, а завтра о том и не вспомнят. А во-вторых, из-за редкостной для нынешнего времени – и не только в футболе, а в жизни вообще – прямоты Вадима. Ясно было: если уж он на эту книгу решится, ординарной она не станет. Не растает в общем потоке спортивно-мемуарных банальностей.

Убежден: так и будет. Своим неповторимым, евсеевским языком он рассказал, как и чем жили футболисты 1990-х и 2000-х. Какие у них были идеалы, как они росли, как выигрывали и проигрывали, как шутили и как выпивали, как дружили и враждовали. Почему, например, так вышло, что Евсеев и Сергей Овчинников, некогда лучшие друзья, больше таковыми не являются. Кстати, бывший вратарь «Локомотива» по прозвищу Босс, а ныне один из тренеров ЦСКА и сборной России, тоже согласился высказаться для этой книги – и, узнав некоторые ее подробности, нашел, за что перед Евсеевым через нее извиниться...

С момента интервью Сенникова и Евсеева прошло три года, когда ближе к концу 2014 года раздался звонок. Нет, не от самого Вадика: он человек слишком непафосный, чтобы проявить в таком вопросе инициативу. Движущей силой всего процесса стал его близкий друг Александр Маньяков – одноклассник по футбольной школе «Локомотива», свидетель на свадьбе, крестный его дочери. Он и вдохнул жизнь в идею книги Евсеева, и убедил его самого, что она будет нужна и интересна людям. А заодно рассказал о герое массу прелюбопытных историй.

Никогда не стал бы помогать писать автобиографию, во-первых, несимпатичному, а во-вторых, неинтересному мне человеку. Евсеев же подходил по всем критериям. И уже не верилось, что давным-давно приключился такой эпизод. Кто-то из локомотивских людей рассказал мне, что новичок чувствует себя в команде неуютно и хочет вернуться в «Спартак». Я написал. И, приехав в следующий раз на базу в Баковку, услышал от него много интересного о себе. Тем самым фирменным языком.

После этого мы не разговаривали года полтора. Но как-то раз объяснились – и с ним, при всей его колючести, стало очень легко. Потому что рецепт общения с Евсеевым до невозможности прост: говорить все друг в другу в лицо. Как есть. Поэтому величайший парадокс, ирония судьбы, что большую часть евсеевских воспоминаний (за вычетом восьми часов автомобильного марш-броска в Иваново, где молодой тренер, уходя в Пермь, прощался с командой и куда предложил съездить с ним) мы записывали в уютном московском кафе на «Курской» под названием «Хитрые люди». Вот уж чего-чего, а хитрости в Вадиме – не было, нет и не будет.

Для меня сам Евсеев, история его гола в матче с Уэльсом, да и знаменитый выкрик в камеру – воплощение России, русского характера, духа, преодоления. Недаром Семин, усмехаясь, рассказывал мне, что, когда у «Локомотива» не шла игра, он знал: главное – разозлить, завести Евсеева. И умышленно пользовался этим, даже понимая, что рискует наслушаться от него по полной программе, да еще и при всех. Зато если русский медведь по имени Вадик очнется от спячки, то и его, и всю команду будет уже не остановить...

Только мы начали работу над книгой, распланировав весь январь, как Гаджиев пригласил его работать в «Амкар». Уже за одно это опытнейшему тренеру надо сказать спасибо. О таких людях, как Евсеев, никто не должен спрашивать: «Где он?» Но процесс записи автобиографии несколько замедлился.

Если бы это касалось какого-то другого человека, у меня могли возникнуть опасения по содержательной части. Когда ты работаешь в Премьер-лиге, то есть находишься внутри

системы, язык сам по себе заползает за зубы и норовит оттуда особо не вылезать. Но вот уж за Евсеева страхов по этой части не было никаких.

Да и в остальном все оказалось проще. Вадим – человек в высшей степени ответственный, и, как только между сборами или чуть позже, между матчами, появлялось «окно» и он прилетал в Москву, – тут же давал о себе знать, и мы встречались. Быть может, даже в ущерб времени для семьи, которого у него и так из-за переезда в Пермь оставалось в обрез.

Меньше трех-четырех часов ни одна встреча не продолжалась, и ни разу Евсеев не прерывал нашу беседу словами: «Мне надо ехать». Работать для него – значит работать, и так было всю жизнь и на всех поприщах. Потому он и стал тем, кем стал. И не случайно тот же Семин осенью 2014 года позвонил именно Вадиму с просьбой за два дня собрать золотой «Локомотив» 2004-го, чтобы отметить десятилетие последнего чемпионства красно-зеленых. Объяснил это мэтр так: «Ты – самый обязательный».

Разумеется, шестикратный чемпион России не подвел.

Два из этих чемпионств были достигнуты в золотых матчах-переигровках. Евсеев – единственный человек в истории отечественного футбола, кто выиграл сразу две такие встречи: одну – в 1996-м за «Спартак» у владикавказского «Спартака-Алании», другую – в 2002-м за «Локомотив» у ЦСКА. «Это никакая не случайность, – убежден Семин. – Золотые матчи выигрывают сильные люди».

А каким был матч с Уэльсом, если не золотым?

Убежден, о таких людях должны знать и читать. Кардиффская легенда не может, не должна остаться достоянием лишь тех, кто видел ее собственными глазами.

Тем временем сам Евсеев уже с головой погрузился в новую для себя жизнь и стремится – с его-то амбициями! – со временем превратиться в главного тренера и многого достичь.

Не сомневаюсь, что и в тренерской роли он, человек с чемпионским сердцем, тоже станет первым.

Для меня тут есть только два вопроса – когда и где.

А почему – поймете из этой книги.

Игорь РАБИНЕР

Р. S. Благодарим за интервью для этой книги Гаджи Гаджиева, Татьяну Евсееву, Александра Маньякова, Сергея Овчинникова, Олега Романцева, Юрия Семина, Георгия Ярцева.

Благодарим за помощь при расшифровке записей бесед с Вадимом Евсеевым студентов Школы спортивной журналистики А. Шмурнова и И. Рабинера (www.sportjournalist.ru): Евгения Баламутенко, Екатерину Водяницкую, Павла Климовицкого, Александра Матюнина, Дмитрия Мухина, Романа Пасеку.

Глава первая

Гол для дочки, или как родилось «х... вам!»

В больницу я приехал ранним утром. Дочка Полина перед операцией ночевала уже там, а жена Таня с тещей остались в гостинице при клинике. Я же, прилетев в Мюнхен, снял номер в мини-отеле, у которого была то ли одна звезда, то ли две, – в городе проходил какой-то симпозиум и нормальную гостиницу найти было невозможно. Да и не важно мне это было – думал совсем о другом.

Поехал на метро. Боялся, что в пять утра оно еще не работает – а там толпа народа, не зайти. В Европе жизнь начинается спозаранку.

К шести был в больнице, увидел дочку. Потом ее забрали, но через полчаса привезли обратно. То ли рано еще было для операции, то ли что-то другое – но по новой ее увезли в половине девятого. А нам сказали – идите погуляйте часа три-четыре.

Она-то маленькая, ничего не понимала и не боялась, только спрашивала, что ей будут делать. А вот мы с Таней... Нас ведь бумагу заставили подписать. Страшную. Что в случае летального исхода больница ответственности не несет. Деваться некуда, подписали. Но состояние – не передать.

Пошли с Таней и ее мамой в центр Мюнхена, гулять. По Мариенплац, по Карлсплац – туда-сюда, только чтобы время скоротать. Я старался идти спокойно, эмоций не показывать. Хотя внутри их хватало. Но рядом – женщины, и если еще и я начну истерить... Нет, если ты мужик, то в такой ситуации должен быть непроницаем.

Вдруг пошли звонки. Вначале знакомый спрашивает: «Как дочка?» – «Откуда вы знаете?» – «Да вся страна об этом говорит!» Мы с Таней – в шоке.

В первый момент было неприятно, особенно я встревожился за жену, которой даже в больницу, как потом выяснилось, начали названивать. Все-таки это наша личная история. Любому было бы дискомфортно, и вначале я немного обиделся на Георгия Александровича Ярцева, который всем об этом рассказал. Но спустя некоторое время, поскольку операция прошла успешно, раздражение исчезло. И уже после возвращения из Уэльса в Мюнхен я даже согласился, чтобы Первый канал подъехал – очень уж они об интервью просили.

...Часов через пять вернулись в больницу. Когда подходили – ног под собой не чувствовали, хотя никто никому ничего не говорил. Но все же понятно. Лица бледные, напряжение внутри дикое.

Большого облегчения, чем после слов переводчика: «Всё отлично!», я не испытывал ни разу в жизни. Мигом успокоились, обрадовались. И стали думать, что дальше делать – уходить или врачей как-то благодарить? И вдруг слышим: «Вы к ребенку-то зайдете?»

А мы к реалиям нашей медицины привыкли – нам и в голову не приходило, что такое возможно. Операция-то у Полины была не на пальце, а на сердце. Но оказалось – можно. Хоть и в реанимацию!

Первую дверь прошли, дальше – умывальник со спиртом. Руки растер, система определила: только после этого автоматически открывается вторая дверь. Нам дали только халаты – даже бахилы не потребовались.

Дочка еще под наркозом, на ней куча аппаратуры. Но дышит хорошо, глубоко. Врачи улыбаются: «Не беспокойтесь, никаких проблем». Хоть с ней и не пообщались, но своими глазами увидели – и уже легче стало.

Выходим, идем. А потом Таня говорит: «Видишь, всё нормально. Езжай завтра в сборную. Я знаю, что тебе это надо. А мне мама поможет, я же не одна тут остаюсь».

Жена знала, как я футбол люблю. Хотя вряд ли она до конца понимала, какой важности эти игры с Уэльсом. Для нее в любом случае на первом месте был ребенок, и это правильно. Но Полине было уже лучше, и пусть я ничего не говорил, Таня поняла, что мне лучше поехать.

Связался с администратором сборной Виктором Вотоловским, он быстро решил вопрос с билетом – я же в Мюнхен из Москвы без обратного летел. Не знал, как все будет, не хотел брать.

Наутро улетел. К обеду уже был в команде. Пробежался, пришел в баню, и ребята сильно удивились: «Ты откуда взялся?»

* * *

Диагноз Полины – расщепление митрального клапана сердца – узнали, когда ей было два годика. Мы с Таней были на отдыхе в Эмиратах, а дочка с бабушками-дедушками дома осталась. И заболела ангиной, с высокой температурой. «Скорая» ее в больницу забрала, посмотреть-послушать. Там и услышали шумы в сердце.

Вначале врач «Локомотива» Савелий Мышалов отправил нас в Московский центр имени Бакулева. Не знаю, может, там и работают отличные хирурги. Но отношение персонала нам с Таней сильно не понравилось. Мы и так были в шоке от того, что у нашего ребенка сердечко больное, а тут еще, когда врачи и нянечки на вас орут...

Дочке два года, обстановка непривычная, она плачет. А эти люди, если их можно назвать людьми, начинают: «Почему ребенок кричит? Что вы за родители?!» Наверное, их можно понять, работа нервная. Каждый день общаются с мамами и папами, которые за своих детей переживают, все на взводе. Но у них профессия такая. В том числе и все это терпеть. Нам же тоже несладко было – пока все тесты прошли и к доктору попали, часов пять-шесть прошло. При том что не просто так пришли, а по рекомендации.

И вот заходим к врачу, он смотрит данные и заявляет: «Всё, ребенка оставляем, завтра операция». У нас глаза навывкате: «Стоп-стоп. Какая операция? Какое завтра?» И уехали. Пообещав себе туда больше не возвращаться. Ну что это за отношение?

Мы – опять к Мышалову, которому вообще огромное спасибо. Савелий Евсеевич отреагировал быстро. Друзей-то у него много везде. И в первую очередь – в Германии. Он там еще с Валерием Лобановским готовился в Руйте под Штутгартom к чемпионату Европы 1988 года. А тут позвонил своей знакомой Майе, которая работала в клинике в Мюнхене. Поехали на обследование, и вот там уже отношение и к ребенку, и к нам было на высшем уровне.

Профессор сказал, что никакой операции пока не надо. Да, есть проблемы, но сердечку надо подрасти. И вот начиная с 2000-го каждые полгода мы ездили к нему, и в начале 2003-го он сказал, что в конце года надо делать операцию. Вот это, я понимаю, отношение – не с бухты-барахты тебе говорят, что надо ложиться на операцию, а долго наблюдают и только после этого принимают решение.

В общем, то ли в январе, то ли в феврале 2003-го назначили дату – 12 ноября. Почему именно ее? А я календарь свой посмотрел. Там как раз «окно» было между завершением чемпионата и еврокубками. Ни в какую сборную тогда не звали, главный тренер Валерий Газзаев меня в ней на тот момент не видел. Ну и я, соответственно, на это не закладывался. Думал, как раз будет пауза, и я спокойно съезжу.

А в августе сборная дома проиграла товарищеский матч Израилю, Газзаев подал в отставку. Еду как-то с тренировки по МКАД, подъезжаю к Мытищам, включаю радио: «Главным тренером сборной России по футболу назначен Георгий Ярцев». Думаю: «О, хорошо!» И буквально в тот же момент – звонок. «Вадим, это Георгий Александрович Ярцев». – «Поздравляю с назначением!» – «Что ты меня поздравляешь? Работать вместе

будем? Мы же друг друга не подводили?» – «Нет». И с этого момента я в сборной был постоянно.

Заняли второе место в группе, попали в стыки на Уэльс. А дату операции перенести было уже невозможно – там, в Мюнхене, все на месяцы вперед расписано. И вот в субботу последний тур чемпионата, в понедельник у Ярцева начинается сбор в Тарасовке, где тогда располагалась сборная. Приезжаю, сразу захожу к нему в номер. Там трое – сам Ярцев, Ринат Дасаев и Никита Симонян.

Объясняю: мол, такая ситуация, 12-го числа – операция у дочки в Германии. Как отреагируют, честно говоря, не знал. Игра-то первая с Уэльсом, в Москве, – уже 15-го.

Саных отвечает: «Никаких вопросов. Конечно, поезжай к семье. А когда с ребенком все будет хорошо, мы тебя тут ждем в любой момент». И Дасаев то же самое повторил, и Никита Павлович поддержал.

Ни одного слова о сроках, в которые мне «надлежит вернуться в расположение сборной», и всего такого прочего, не было. Не то чтобы я был удивлен, просто стало приятно – не каждый в столь нервной обстановке так бы себя повел. Но в Ярцеве я всегда был уверен.

И не только в Ярцеве, кстати. Я ведь из Кардиффа полетел в Мюнхен, а у «Локомотива» вскоре была игра Лиги чемпионов, дома с киевским «Динамо». И никто мне не звонил, не подгонял. Наоборот, я сам позвонил Сереге Овчинникову – команда тогда была в Хосте на сборах. А он передал слова Семина: «Сколько надо, столько и оставайся». Юрий Палыч – он всегда таким человеком был. Нормальным. Да и тот же Славо Муслин – если проблемы в семье были у Маминаова, Пашинина, всегда шел навстречу.

Хотя, возможно, Ярцева я и на неделю раньше предупредил. Припоминаю, что в РФС за деньгами приезжал – их тогда наличными давали – и к нему заходил. Вышло, кстати, немало – за ту осень и следующий год я заработал в сборной тысяч 120 долларов, и расценивал это как деньги, упавшие с неба. Учитывая, что до того я в сборной не играл, а тут сразу оказался основным защитником. Хотя какой-то суммой премиальных за отборочные матчи мы поделились с теми ребятами, кто играл при Газзаеве, а при Ярцеве уже не призывался.

Операция обошлась мне в 50 тысяч евро, сумму нам еще в конце зимы – начале весны назвали. Зарплата у меня в «Локомотиве» на тот момент была 10 тысяч в месяц, и деньги на оплату имелись. Ведь все 10 тысяч я откладывал: в «Локо» были хорошие премиальные за победы, и жил я на них. А зарплату копил. Вот она и пригодилась...

Но самое интересное – какие же педантичные люди эти немцы! Операцию сделали, деньги уже давно уплачены, но когда я вернулся в Мюнхен из Уэльса, меня приглашают в кабинет и возвращают из этого полтинника 15 тысяч. Говорят: «Мы уже после операции всё окончательно просчитали, и вышло 35». Пытаюсь себе представить, чтобы у нас так деньги вернули – как-то не очень получается.

Но самое поразительное произошло еще раньше. Про операцию только ребята из «Локомотива» заранее знали. И 23 августа мы обыграли «Сатурн», который шел в тот момент то ли на первом, то ли на втором месте. Я забил гол на 90-й минуте. И за победу в том матче нам ЦСКА бонус пообещал, простимулировал, можно сказать. 100 тысяч долларов на команду. Ничего страшного в этом не вижу – нам же не за поражение деньги пообещали, а за победу!

Так вот, выиграли мы, приезжаем на базу в Баковку, а там ко мне в комнату Овчинников заходит. И дает три толстые пачки долларов. По десять тысяч.

«Это что?» – говорю. «Ребята скинулись, – отвечает. – На операцию, которая у твоей дочки будет. Из этих денег, которые мы получили от ЦСКА». Для меня это было неожиданно и очень приятно.

Но это – «Локомотив» времен Юрия Семина. Настоящая семья. Команда, где никто никого не оставлял в беде. Я счастлив, что в ней играл, потому что мало где сталкивался с такой атмосферой...

Сергей Овчинников:

– Самый памятный матч с участием Евсеева для меня, конечно, – в Кардиффе. К сожалению, я не принял в нем участия – а может, и к счастью, потому что команда выиграла. Но помню, что гордился Вадиком, тем, что играю с ним в одном клубе. Когда он забил победный гол – это было сильное впечатление, такие не стираются.

Интересно, что его знаменитую фразу после матча с Уэльсом в прямом эфире я не слышал. Матч смотрел на сборе «Локомотива» по телевизору – но, видимо, выключил сразу после финального свистка, когда Евсеев еще не успел подбежать к телекамере. Либо отвлекся и упустил. Потом не раз вспоминали, смеялись. Это эмоции...

Я никак не его слова не интерпретировал, а был просто рад за Вадима, за сборную, за пацанов. Они просто легли в контекст общего успеха – и команды, и лично Евсеева.

Вадик говорит, я был инициатором того, что команда собрала ему деньги на операцию дочке? Честно, не помню, кто там инициативу проявил. Считаю, что это нормальная человеческая реакция на ситуацию, в которой оказался наш друг. Ничего сверхъестественного мы не сделали. В том «Локомотиве» все знали и радости, и проблемы друг друга, ничто не скрывалось.

Татьяна Евсеева:

– Я была потрясена, узнав про 30 тысяч от команды. Нет, конечно, понимала, какие среди ребят в «Локомотиве» отношения, да и среди девочек тоже. Что там говорить, если для меня ближе Инга Овчинниковой, хоть и живем теперь на разных континентах, подруги нет. Она была заводилой, центром всех этих отношений среди жен. Но чтобы до такой степени...

Тут Сергею, хоть после их развода с Ингой у меня к нему отношение сложное, надо отдать должное. Он сказал ребятам: «Нужно помочь». Пусть мы и сами на тот момент уже могли позволить себе такую операцию, но они – молодцы. Нет слов. Я только одну такую историю еще слышала: когда разбился на машине вратарь ЦСКА Вениамин Мандрыкин, ребята тоже собирали деньги на его лечение.

Мне было очень тяжело. Потому что года два мы вообще не понимали, что с нами будет. Сначала ездили в наш Бакулевский центр – и там почему-то все время были разные врачи и разные диагнозы. И персонал относился черт-те как. Это для них наш ребенок – один из тысяч. А для нас с Вадиком это любимая дочка...

Мы ждали два года, и они для меня были какими-то невероятными. Вадик все внутри себя переживал, а я человек открытый, и мне было сложнее. Порой мне нужны были слова утешения, но у него другой характер. Он переживает, но молчит.

Хорошо, у нас есть несколько пар друзей, которые приезжали, поддерживали. Например, Саша Маньяков, друг детства Вадика и крестный Полины, и его жена. Спасибо им большое. Знаю, в день операции

Саша в Нижнем Новгороде, где он тогда работал, в церковь пошел, свечку поставил...

И это же надо, чтобы операция совпала со стыковыми матчами с Уэльсом. Мы полетели в Мюнхен с моей мамой и Полиной, а Вадик к нам со сбора прилетел. На что я, честно говоря, не надеялась. Даже при том, что знала, как к нему Ярцев хорошо относится, не думала, что он его со сборов перед такими важными матчами отпустит. Работа есть работа. По-моему, только за день до прилета муж сказал, что приезжает. Хороший человек Георгий Александрович...

Правда, в день операции бродим по Мюнхену, ждем, места себе найти не можем – и вдруг звонок с Первого канала: «Как у вас с дочкой, закончилась ли операция?» Мы не можем понять, откуда информация всплыла. А потом оказывается, что Ярцев успел рассказать об этом в программе «Доброе утро» на том же Первом канале.

У меня к нему никаких вопросов: Вадик же не предупредил тренера, что не надо рассказывать о причине его отъезда, а тот и сказал правду. Это было простое недопонимание, уж точно не со зла. Но в тот момент я в шоке была. У нас даже мама Вадика не знала, что мы на операцию уехали! Не хотели никого лишний раз волновать!

Мне ведь начали звонить даже в больницу, нашли меня там, в Мюнхене. Корреспонденты на ресепшен пробивались, просили меня позвать. Врачи ничего понять не могли, кто такая эта Евсеева, что такое творится. Но я ни с кем не разговаривала – вообще не до того было.

День операции помню по минутам. Ведь это невероятно, когда такое с твоим ребенком происходит и ты должна подписывать бумаги насчет возможности летального исхода. И мы вместе с Вадиком их подписывали, и вы можете представить его состояние. Ну и высказался он в камеры после ответного матча с Уэльсом. В таком еще и не то крикнешь...

Полине дали какое-то успокаивающее лекарство и увезли. У меня была ужасная истерика, немецкие врачи со всем их самообладанием не выдержали и предупредили: «Если она сейчас не уgomонится, мы ее выведем из клиники». Это не передать словами, только мать может чувствовать, что это такое – когда твоего ребенка увозят на операцию на сердце и неизвестно, что будет, привезут ли его назад живым. Ведь это – сердце, и его останавливают!

И уж совсем мне стало плохо, когда Полину привезли назад через 15 минут после того, как увезли. Думаю – ну как же так?! Когда из дома выходишь и возвращаешься – это плохая примета. Вот и тут я о том же подумала. А все потому, что операционная не была готова.

Операция длилась шесть часов. Это был ад. Ведь нам говорили – часа три, максимум четыре. Мы пришли в гостиницу, я говорю: «Наверное, мне надо поспать, время быстрее пройдет». Но куда тут заснуть! Если бы сильнодействующие таблетки были, то еще да, но когда их нет...

Тогда всем говорю: «Не могу здесь находиться, пойдемте в город. Там люди, там жизнь, Рождество уже скоро. И все это время мы ходили по центру, потому что мне надо было, чтобы вокруг были люди, много людей. Гуляли, кофе куда-то заходили попить...

Вадик как раз в это время и начали все подряд трезвонить. Он отвечал, некоторым, самым назойливым из корреспондентов, – грубо. А друзьям рассказывал, что случилось.

При этом абсолютно не показывал нам с мамой, что его колотит. Я ему еще говорю: «Ну почему ты такой спокойный? Что, в тебе сердца нет?» Сейчас-то понимаю, чего ему это внешнее спокойствие стоило. Муж совершенно правильно себя вел, потому что если бы еще и он начал показывать, что у него внутри, вообще не знаю, что бы со мной и мамой стало...

Точно так же, кстати, вела себя и Инга Овчинникова, моя лучшая подруга. Мы и сейчас, когда они с Сергеем давно уже не вместе, а она живет в Америке, каждый день созваниваемся и по сорок эсэмэсок в сутки друг другу пишем. А тогда все подружки звонили и плакали: ой ты бедная-несчастливая. И только Инга звонила и как ни в чем не бывало бодрым голосом спрашивала: «Ну, что ты там делаешь? Когда прилетаешь?»

И ни слова про операцию. Я думала: «Ну ни фиги ж себе, какая она бесчувственная». Только спустя время поняла: если бы еще и она начала скулить, как остальные, наверное, я бы не выдержала. А она, женщина мудрая, меня тянула за луковичку туда, наверх. И до сих пор, мне кажется, тянет...

Господи, как я благодарна этим хирургам в Мюнхене! Наверное, у нас тоже есть врачи, которые делают блестящие операции, но познакомиться с ними не довелось. И надеюсь, уже не доведется. После того матча с Уэльсом, когда Вадик стал знаменитостью, ему дали телефон знаменитого хирурга Бокерии. Но когда это было действительно нужно, никаких связей у нас не имелось, и благодаря доктору Мышалову мы поехали в Германию.

А благодарна вот почему. Вначале врачи говорили, что будут Полине ставить взамен расщепленного клапана искусственный. Это влекло за собой еще одну операцию, когда дочка повзрослеет. Но в последний момент хирург нашел возможность сшить клапан. Так было намного лучше и избавило нас от многих последующих проблем.

Нам очень повезло. Ведь перед операцией врачи подробно разложили, что такое искусственный клапан, но мы все равно согласились, потому что куда деваться? Каждый год все равно ездим, обследуемся, но все эти годы Полина развивала сердечную мышцу, занималась плаванием, теннисом, танцами.

При этом она как ребенок видела наши эмоции и пользовалась своими проблемами со здоровьем. «Ой, не надо меня нагружать, у меня сердечко болезненное!», «Не кричите на меня, а то у меня сердечко заболит!» Хитренькая, во всем быстро разобралась, хотя ей на тот момент и пяти еще не исполнилось...

А тогда, после операции, нас совершенно свободно пустили на Полину посмотреть. Буквально на следующий день она уже встала на ножки, а через десять дней нас выписали.

После операции Вадик метался, лететь ему или оставаться. Но я понимала, что ему будет лучше вернуться в сборную. А смысл сидеть в Мюнхене? Чтобы я поплакалась ему в жилетку, а он меня пожалел? Так для этого со мной мама была, с которой я могла все эти чувства разделить. А он – спортсмен. И у него была важнейшая игра. И я видела, что ему это надо.

*Он улетел, но каждый вечер мне звонил. А прямо из Кардиффа прилетел
обратно в Мюнхен...*

* * *

* * *

Поехал бы я в сборную в такой ситуации, если бы ей руководил не Ярцев? Ну, во-первых, любой тренер меня не вызвал бы, а Георгий Саныч мне доверял. А во-вторых, поехал бы. Потому что сборная – это сборная. Команда твоей страны.

Да, к Санычу я очень хорошо отношусь, потому что вижу, какой он открытый и как всегда помогал мне идти вверх. Олег Иванович Романцев, конечно, тоже очень многое в меня вложил, но он чуть другой человек. С Ярцевым, если честно, мне расти было легче.

Так вот, вернулся я из Мюнхена в четверг, пробежался, в баньку сходил. На следующий день – предыгровая тренировка. Она что у Ярцева, что у Романцева интенсивная, но длится недолго – минут 45. По ней одной тренеру сложно в полной мере судить о состоянии игрока. А я из-за перелета в Мюнхен и обратно, считай, пять дней со сборной не тренировался.

Поэтому я удивился, когда в Тарасовке на установке перед первым, московским матчем, Ярцев назвал меня в составе.

Играть мне на фланге предстояло против Райана Гиггза. Крайнего полузащитника «Манчестер Юнайтед». Деталей Саныч не разжевывал. Ни Ярцев, ни Романцев вообще не говорили во всех подробностях, как против того или иного игрока соперников играть. Это скорее подход Гаджи Гаджиева, у которого я в «Сатурне» играл и которому сейчас помогаю в «Амкаре».

А у Романцева с Ярцевым мы соперников, конечно, разбирали, но плясали все равно от себя, своей игры. Хотя вот после первого матча с Уэльсом, как правильно Влад Радимов в интервью рассказывал, нам вообще не показывали фрагменты этой игры, зато проанализировали домашний матч валлийцев с Италией. Чтобы объяснить, как наш соперник играет дома. А что до Гиггза – так мы же сами английскую Премьер-лигу смотрели. И понимали, что к чему.

...Началось все с моего нарушения на Гиггзе. Хотя арбитр и дал свисток в нашу пользу, можно сказать, что я сыграл грубо. Если не грязно. Въехал ему шипами сбоку в икроножную мышцу, чуть ниже колена.

Тот мяч был ничейный, мы шли к нему одновременно. Что показательно, и главный судья, и его помощник были рядом, и оба нарушения не увидели. Да, Райан меня опередил, а я ему поверх мяча попал в ногу. Мяч улетел в аут. Я посмотрел на Гиггза. Вид у него был остервенелый. Понял, что это ему не понравилось.

В конце концов, судьи рядом стояли. И, по-моему, он был зол на них больше, чем на меня. Читал, он говорил потом, что тем ударом я мог сломать ему ногу. Что ж, значит, запомнит меня на всю жизнь, хоть и врезал я ему по ноге неумышленно. А в Англии, между прочим, он проходил через такое каждую вторую игру. И повторяю, с моей стороны это была не специальная грубость. Я хотел сыграть в мяч. Не получилось.

Извиниться я не хотел. Там война была. Не до извинений. Мяч вернулся из аута, и после этого, как я понял, он захотел мне отомстить. Вначале ударил головой в бровь. Я даже не сообразил, что происходит, а упал уже после того, как он локтем въехал мне в голову. На этом Гиггз успокоился.

Правда ли, что второй удар вышел слабее первого и мое падение было не слишком вынужденным? Правда. Я упал, лежал, притворялся, думал, ему красную дадут. Мой друг Саша Маньяков рассказывал, что смотрел тот матч с трибуны и сидел прямо над местом, где случился этот эпизод. И когда я, поразмыслив секунды три, схватился за голову и рухнул на траву, он заржал. Потому что симулировать я не умею, и он это хорошо знал. Хотя я пару раз дурака в конце игры и включал. Уже этого не помню, но он утверждает, что после игры спросил: «На хрен ты за голову взялся, подумал и упал? Падал бы сразу!», а я ответил: «Соображал, что мне делать!»

Подождите, но если за границей в таких случаях всегда падают, почему русский человек не может упасть? Удар-то, в конце концов, был, так что о симуляции говорить нельзя. И не случайно же после апелляции РФС Гиггза дисквалифицировали на два матча – пусть уже и после игр с Россией. Значит, виноват!

Да, не скрою, секунда размышлений, падать или нет, была. Но, скажите мне, почему соперники могут нас провоцировать, а мы им ответить тем же не имеем права? Почему мы должны подставлять вторую щеку? Можно было не падать, можно. Но я не считаю, что поступил плохо, потому что сделал это ради команды.

Я всегда таскал рояль. И никогда не осуждал того же Симеоне за эпизод с Бекхэмом на чемпионате мира 1998 года во время встречи Аргентина – Англия. Ведь благодаря тому моменту аргентинцы победили. Другое дело, что судья нашего матча эпизода не заметил, и Гиггза, в отличие от Бекхэма, не удалили.

Можно сделать что-то для команды. А можно специально не забить мяч в пустые ворота, как сделал в 2002 году Игорь Семшов в матче его «Торпедо» со «Спартак» Романцева, и благодаря этому поехать на чемпионат мира. Фэйр-плей, говорите? По-моему, фэйр-плей – это то, что ты делаешь не для себя, а для команды. Семшов же действовал ей во вред. Зато до этого его в сборную не приглашали ни разу, а тут он был вызван и поехал в Японию и Корею. И почему-то не отказался, руководствуясь принципами фэйр-плей.

Гиггз для меня был большим футболистом, но не богом. У нас по общедоступному телевидению тогда показывали, по-моему, часовые обзоры Премьер-лиги, и, конечно, его имя не было для меня пустым звуком. Но ни перед ним, ни даже перед более великими людьми я не робел. Когда мы на «Локомотиве», по сути, на песке, играли против «Реала», выпрыгнул против Зидана. Я лицом к мячу, он – спиной. И так получилось, что я зубами ему в лысину впился, и у него кровь пошла. Пластырем заклеили, и он на поле вернулся.

Зинедин, кстати, нормально отреагировал. Футбол, игровой момент, ничего особенного. Я его зауважал, потому что он не повел себя как истеричка. Да и на Гиггза не зол – опять же футбольный был эпизод, никакой подлости. Если бы было не так, никогда не пригласил бы его на свой прощальный матч. И он вроде собирался приехать, да май на дворе был, и календарь «МЮ» не позволил.

Я всегда настраивался на важные матчи по-особому. Но никогда не собирался никого «окучивать». Никогда. Всегда старался играть в мяч. И никого за всю свою карьеру не сломал. А реально хотел – только одного подлеца. Коромана, который играл в «Крыльях Советов» и в «Динамо». Как-то раз с «бело-голубыми» играли, и, когда я лежал на газоне, он на меня умышленно шипами наступил. Но так и не получилось его проучить.

С Гиггзом же у меня такого желания не было. Людей, которые меня хорошо знают, отсутствие реакции с моей стороны удивило. Я действительно часто не прощал людям то, что они делают на поле. Как раз в том сезоне меня за такое удалили в Ярославле. Но с Уэльсом был тот случай, когда главным была команда, а не личные амбиции. И пришлось терпеть.

* * *

Дома с Уэльсом, который я, кстати, напророчил нашей команде перед жеребьевкой, сыграли вничью – 0:0. Вроде и атаковали, но реальных голевых моментов у нас было немного.

Результат был, мягко говоря, не очень – уж в первом-то матче точно рассчитывали выиграть и задел сделать. В раздевалке тишина стояла мертвая, гнетущая. Ощущение было – как будто на чемпионат Европы уже не попали.

Если бы Ярцев в тот момент начал нас в раздевалке песочить и тем более в прессе поливать – точно бы в Уэльсе проиграли. Настроение-то было на нуле.

Влад Радимов потом вспоминал, как это было. Он в первом матче не играл, спустился с трибуны в раздевалку – и тут Георгий Саньч заходит. Видит все эти похоронные лица, поднимает брови и говорит: «А что случилось? Как они играли – десять человек в обороне, все сегодня видели. А теперь посмотрим, что будет, когда им придется немножко атаковать». И все сразу головы приподняли, повеселели. Это ведь очень важно, что тренер в такие минуты говорит. И как.

Ярцев вообще не орал. Нет, человек он эмоциональный, но ни разу не помню, чтобы на откровенный крик сорвался. Как и Романцев, пусть тот гораздо более замкнут. При том, что мы в тот момент были злы на самих себя. Не потому что плохо играли – футбол-то мы как раз приличный показали. Но взломать эту стену валлийскую не смогли.

К тому же остались без Овчинникова и Мостового на ответный матч. Причем Мост свою желтую получил именно в «куче-мале», случившейся после моего эпизода с Гиггзом. А Босс пострадал от португальского судьи, который всегда его «любил». Так, по крайней мере, Серега после матча сказал. Они пересекались еще в чемпионате Португалии, и тот на него затаил. В итоге на второй матч мы в любом случае оказывались с вратарем, у которого ноль матчей за сборную. Приятного в этом было мало.

Но у Славы Малафеева хоть какой-то международный опыт был, а у совсем юного Игоря Акинфеева – пусто. Поэтому, хоть нам ничего и не говорили, мы не сомневались, что играть будет Слава. А на Серегу не злились, хоть это была и большая потеря. С каждым может случиться.

Обсудить, в общем, было что. И мы вечером после первого матча решили в Тарасовке пивка попить. По-моему, в номере у Димы Аленичева на третьем этаже. Под картишки. Мы с Витей Онопко, правда, в них не играли – в отличие от Аленья, Радима, Гуся (Ролана Гусева. – И. Р.).

Кончился первый ящик «Миллера», который как-то пронесли на базу еще до меня. Я был назначен ответственным за пронос второго. Разработали целую систему ухищрений, чтобы не увидела охрана. С учетом высокого тарасовского забора сделать это в районе полуночи было непросто. Но нам, как мы думали, удалось – с помощью перехода по второму этажу.

Но спустя годы, когда с ветеранами куда-то играть ездили, Георгий Саньч раз хитро на меня посмотрел, вспомнил тот день и говорит: «Чё, думаешь, я ничего не знаю? Все знаю!» И расписал – как говорится, картина маслом. А мы-то думали... Все лучше понимаю истину, которую не раз слышал: одно из главных тренерских искусств – каких-то вещей не замечать.

Нет, уверен, что стукачей среди нас не было. Просто камеры, охрана – все эти современные навороты мы недооценили. Хорошо, что без последствий.

А посидели тогда прилично. То ли до двух, то ли до трех. И нам это надо было. Не присели бы – как знать, выиграли бы ответный матч в Кардиффе или нет. Когда ты находишься в таком моральном состоянии, как мы после первой игры, лучше не держать все в

себе, а общаться, разговаривать. Из этого ведь тоже коллектив настоящий складывается. У нас в «Локомотиве» всегда так было...

В Кардиффе поселились на природе, у озера. Никакого ажиотажа не ощущали, ничего не видели и не слышали. Зато были поводы для веселья. Ноябрь, холод противный – но все до такой степени раскрепощены, что кто-то из массажистов на потеху игрокам даже окунулся. По этим вещам у нас всегда Слава Зинченко, сапожник, специалистом был, приговаривал: «Я везде купаюсь». Но сейчас уже не помню, он ли тогда отличился. Так или иначе, настроение хорошее было создано. И Ярцев нас не одергивал, шутки не пресекал. Понимал: главное – чтобы команда не вышла на ответную игру зажатой.

Сказалось и то, что побудки обязательной утром в день игры не было. Хочешь – спи сколько влезет, хоть до обеда, который в половине второго. Не каждый любит рано вставать, и кого-то такие подъемы выбивают из колеи. А тут все было как надо.

В день игры я созвонился с женой, она сказала, что с дочкой все нормально. Когда выходил на поле, о ней и думал. О том, что сыграю сейчас для нее – а потом полечу к семье, в Германию. Билет уже был, администратор сборной купил.

Стадион «Миллениум» – новый, раздевалки и коридоры большие. И некоторые от таких размеров места себе найти не могли. Тот же Димка Сенников бегал туда-сюда. Александр Бородюк, помогавший Ярцеву, смотрит на это и говорит: «Дима, что ты бегаешь? На поле будешь бегать. Успокойся. Потянись лучше». Сеня послушал. Сосредоточился на растяжке. И правда успокоился.

Настрой от Ярцева шел один – надо забить. И чем быстрее, тем лучше. Потому что, если мы забьем, им надо отвечать уже двумя голами. Да и вообще, главным, о чем он на установке говорил, было: «Играйте в футбол». Никакого отбоя, никакой концентрации на защите, на том, что у нас вратарь неопытный и ему надо помогать. Все как обычно. Даже лучше – стадион классный, полный, газон великолепный. Только играй!

Может, поэтому мы действительно сыграли в футбол. Если уж на то пошло, у нас в защите вообще только один Онопко опытный был. Но все помогли друг другу и сыграли хорошо. А Малафеев так вообще один из лучших матчей в карьере провел. Хотя внутри у него не могло не быть мандража...

Вдохновляющих речей в раздевалке никто не произносил – они и не нужны были. Понимали, что будет тяжело, очень тяжело. Но никакой паники и близко не было. Сидели в раздевалке, и вот от капитана Онопко прозвучало: «Всё, пошли».

Потом играли гимны, и во время нашего валлийские болельщики прилично свистели. Мы всё слышали, конечно. Но не скажу, что именно это нас завело. Просто очень хотели на чемпионат континента. И я – в частности. Всю жизнь смотрел первенства мира или Европы – и думал: неужели и я однажды туда попаду?

И тут – вот он, рядом. Один матч остался.

* * *

Я не знал, что за время между первым и вторым матчем валлийская пресса сделала меня врагом всего Уэльса. В ответной игре ждал каких-то неприятных эпизодов лишь от Гиггза. Но если партнеры Райана, в первую очередь Сэвидж, отличались провокациями, то именно с его стороны почти ничего подобного не последовало.

Конечно, он был настроен против меня и нашей команды, разгорячен, но держал себя в рамках. Только один раз не выдержал. Мяч ушел в аут, и обычно люди, чтобы ты его ввел, спокойно тебе его катят. А он со всей силы в меня ударил. Ничего страшного, я и не к такому был готов. Особенно после того как на третьей минуте Сэвидж, длинноволосый

такой, шипами мне в колено врезался. Но я тоже не собирался плакаться. Игровой момент. Не разлетелось же колено, жив-здоров остался!

Откровенно говоря, я думал, что руку перед игрой Гиггз мне не пожмет. Но он пожал. Правда, Гиггз в этот момент, как я понял, смотрел мне в глаза, а у меня они были опущены. Но не потому, что я чувствовал себя в чем-то виноватым. Я умышленно не смотрел не только на него, но и на остальных игроков сборной Уэльса.

Не хотелось мне на них смотреть после того, как они играли в Москве. Ведь именно из-за их провокаций у нас в первой игре два ключевых футболиста на пустом месте, по сути, получили желтые карточки и вынуждены были пропустить ответный матч.

Не думаю, что это была сознательная работа, чтобы выбить у России сильнейших игроков: слишком уж мы любим все эти подозрения, чаще всего – беспочвенные. Мне кажется, просто так совпало. Арбитр не любил Овчинникова, а тот в конце первого тайма пошел с ним разговаривать. Ну судья и воспользовался ситуацией – причем мы узнали, что Серега пропускает второй матч, только после игры. А Мост, хоть и было ему уже много лет, всю нашу игру вел, и в Европе его не зря очень уважали.

В общем, потери для нас были очень серьезные. Хотя не могу сказать, что нас трясло от мысли, что Малафеев до этого не сыграл ни одного матча за сборную. Лично я вспоминал о вратаре, только когда он от ворот мяч выбивал. И перед игрой мы подбодрили его, сказав, что когда-то же надо начинать играть за сборную. Посоветовали действовать проще, особо не тянуть время. А мы, защитники, играли как всегда.

Зато в Кардиффе у нас дисциплина была, что называется, от и до. Ни на какие пакости мы не поддавались. Собранность, концентрация просто зашкаливали.

Когда прилетели, было смешно. Выходим из здания аэропорта. Шум, ажиотаж, телекамеры, микрофоны. И все мечутся, ищут кого-то одного. Потом выяснилось, что это меня искали. Но не узнали.

Вначале было как-то непривычно, когда мяч попадал ко мне – и раздавался дикий свист. Свистели, орали, улюлюкали все 72 тысячи – кроме наших болельщиков, естественно. Пресса своих за эти дни накрутила. Из-за истории с Гиггзом. Но я быстро привык.

Когда весь этот свист услышал, в голове всплыл эпизод с Луишем Фигу в матче «Барселона» – «Реал». Он тогда только из Каталонии в Мадрид перешел, и болельщики «Барсы» его ненавидели. И не просто на него орали и предметы разные швыряли, а даже свиную голову с трибун кинули. И ничего – он спокойно к этому отнесся и сыграл, как умеет. Вот и я себе сказал: «Сделай то же самое».

Скажу больше – мне это помогло. Я же человек такой – лучше всего играл, если был заведен, разозлен. Так что, может, и не забил бы я никакого гола, если бы весь стадион в Кардиффе мне не свистел. Знаете, как приятно играть в такой обстановке! Тем более что там, в отличие, например, от Стамбула, только кричали и гудели, но ничего на поле не бросали. В Уэльсе и сеток заградительных нет – менталитет не позволяет людям предметы в игроков кидать и на поле выбегать. Найдется, конечно, пара сумасшедших в год – как в том знаменитом случае, когда Эрик Кантона охамевшему фанату наподдал. Но в целом все безопасно.

То, что главное – меня завести, лучше всех Семин знал. И нередко этим пользовался. В 2002 году перед самым перерывом на чемпионат мира я только восстановился после разрыва крестообразной связки колена и мы играли с «Ротором» последний матч. Юрий Палыч пообещал меня выпустить в стартовом составе, но в последний момент передумал и оставил в запасе.

В итоге я вышел на замену и успел забить гол. После чего подбежал к скамейке и заорал: «Семин, сосать!» В пылу обиды за невыполненное тренером обещание. Слышали это все, кто находился не только рядом, но и на расстоянии метров двадцати. С глоткой у меня все в порядке.

Девять из десяти тренеров после такого выгнали бы меня из команды. Что сделал бы тот же Романцев – даже представить страшно. Но Палыч лишь усмехнулся. Промолчал. А потом, когда я после чемпионата мира не только вернулся в состав, но и начал постоянно забивать, на тренировках постоянно всем говорил: «Разозлитесь на меня, как Евсеев!»

А в Уэльсе эту мою особенность не знали. И про все мои эмоции, про Полину, про то, что играю ради нее. Нет, я не говорил себе: «Ты должен забить гол». Защитнику накручивать себя таким образом глупо. Хотелось просто выиграть и выйти на чемпионат Европы. А кто при этом забьет, никакого значения не имело.

* * *

И вот – 22-я минута. Штрафной. К мячу, как обычно, идет Гусь, Ролан Гусев.

Я не видел, куда он подает. Сам Гусь потом рассказывал в интервью, что главным для него было перебить мяч через высоченного Хартсона, вставшего на ближней штанге. Я же просто пошел в зону, а потом получилось так, что мяч всех перелетел – и мне даже не пришлось прыгать. Даже не бил, а просто подставил голову. Вратарь, гадая направление, метнулся в угол, но мяч о землю ударился и по центру залетел. Го-о-ол!

Эмоции в ту секунду, конечно, зашкалили. Мог ли тогда уже подбежать и в камеры что-то крикнуть? Мог. Но понимал, что еще больше часа игры осталось и ничего еще не решено. Нечего расплескиваться, играть надо.

На установках в сборной Ярцев ни разу мне не говорил, чтобы я шел в чужую штрафную на стандартные положения. Моей задачей было не забивать мячи, а обороняться и начинать атаки. А при «стандартах» следовало оставаться с одним из партнеров – чаще всего Димой Сенниковым – за линией штрафной и держать нападающих соперника, которые не отходили назад.

А тут никто из валлийцев впереди не остался. Вообще ни одного человека. Это сегодня такое в порядке вещей – скоростные команды, такие, как дортмундская «Боруссия» или «Челси», при чужих стандартах в полном составе отходят назад и потом резко контратакуют, из глубины бегут на свободное место. Десять лет назад кто-то обязательно оставался впереди. И я сильно удивился, не увидев рядом с собой вообще никого.

В ту секунду и решил: «А дай-ка попробую!» Риска-то никакого. Не знаю даже, откуда этот порыв у меня возник – Ярцев же, повторяю, ни разу меня о таком не просил. Правда, потом, когда я объяснил это журналистам, он в своем эмоциональном стиле подкалывал: «Зачем ты им все рассказал?» Но так, в шутку. Вот уж кто-кто, а что он, что Семин ревновать к славе, завидовать не будут. Это не про них.

А бегать вперед, на те же стандарты, мне хотелось всегда. В том же «Локомотиве» я так забивал много мячей, вошел во вкус. И было даже немного досадно, что в сборной у меня другое задание.

Когда я прибежал в штрафную, меня никто не держал. Марк Хьюз, тренер Уэльса и бывший партнер Гиггза по «Манчестер Юнайтед», тоже ведь разбирал нашу игру, в том числе и первую, в Черкизове. А там я никуда не бегал. Вот нестандартное решение и привело к такому исходу. Подумать только: я же всего один гол за сборную забил. Зато такой, о котором никогда не забудут.

Но не считаю, что это я, я сборную на чемпионат Европы вывел. Просто гол забил. А вывела – вся команда, и заслуга у всех была равной.

Когда увидел мяч в сетке, почувствовал, что сделал это ради Полины. Ей этот гол и посвятил.

Олег Романцев:

– Евсеев – игрок необычного поведения на поле. Таких совсем немного. Когда особенно тяжело – на них можно положиться. А в тот момент как раз и было так тяжело. Счет 0:0, и трудно сказать, кто выиграет. Но я знал Евсеева, и то, что произошло, меня не удивило, а просто сильно обрадовало.

Ну, головой-то он умел играть слабо, честно говоря. А вот на опережение – другое дело. Именно благодаря этому как защитник он по перехватам был одним из лучших. Но на стандартах в чужой штрафной мы в «Спартаке» его не использовали. Просто потому, что угловые и штрафные разыгрывали по-другому. У нас были гренадеры, и поэтому подавать на ближнюю штангу не имело смысла. В «Локомотиве» ситуация была иной, и там Вадик не раз забивал головой. И я был очень рад, когда то же самое ему удалось и в сборной. Да еще и в такой момент.

Георгий Ярцев:

– Вадик прав: я не давал ему установку идти в штрафную Уэльса на тот стандарт. Он должен был закрывать при отскоке определенную зону. Но счастливое качество Евсеева – своевременность подключений в атаку. Причем это касалось как атак с ходу, когда он выбирал правильный момент для того, чтобы подключиться, так и стандартов. Когда соперник разбирал высокорослых игроков, его рейды всегда оказывались неожиданными.

Умение найти болевую точку в обороне оппонента при стандартных положениях – это большое искусство, которое многие недооценивают. Но Вадим им обладал и ляпов в подобные моменты не совершал. А ведь иногда безрассудные выдвигания защитника вперед приводят к непоправимым последствиям для твоей команды.

По правде говоря, когда Евсеев играл в «Спартаке», будь то у меня или у Олега Ивановича, на стандарты он не ходил. Потому что расположение игроков у двух клубов – «Спартака» и «Локомотива» – было разное. Зачем использовать там Евсеева с его достаточно небольшим ростом, когда в нашем распоряжении были высокие игроки? Но в «Локомотиве» он регулярно показывал умение играть на опережение. Конечно, я это знал и имел в виду.

В тот момент в зоне, которую ему нужно было держать, у Уэльса никого не было. Вот он, увидев это, и пошел в чужую штрафную. Зачем кукурузу охранять – не надо это никому! Это говорит о его тактическом мышлении, о понимании: мол, я больше нужен там, чем здесь.

Он и оказался в штрафной Уэльса лишним игроком, которого никто не успел закрыть. И ведь ему еще надо было вовремя включиться в эту зону! Если бы он прибежал туда на секунду-другую раньше, на него бы тут же кто-нибудь из валлийцев переключился. А он выбрал идеально нужное мгновение, когда все внимание обороняющихся уже было сконцентрировано на высокорослых футболистах.

Когда люди видят такие голы, они внешне кажутся им простыми, – но мало кто может понять, сколько мастерства, сколько лет работы над собой и своим пониманием футбола за ними кроются. Ты никогда не сможешь просто так прибежать в чужую штрафную и забить такой мяч в столь важный для команды момент. Подобный гол, который выводит твою

сборную в финальную часть чемпионата Европы, – это плод всей твоей карьеры. И характера.

Но я полностью согласен и с Татьяной, женой Вадика, которая сказала, что Бог подарил ему этот гол за все то, что он пережил из-за операции его дочери...

* * *

Ребенку сделали удачную операцию, и я возвращался в сборную в хорошем настроении. Из-за дочери для меня это был главный матч в жизни. Хотя по своему физическому состоянию лучшим я его не назвал бы. Чувствовал усталость и объясняю это как раз тем, что перед первой игрой несколько дней не тренировался. Сразу же после возвращения от дочери, в первом матче, чувствовал себя свежо, а тут дало о себе знать отсутствие тренировок. Было тяжело. Валлийцы ведь и в штангу попали – не помню уже, Гиггз или Хартсон...

С другой стороны, Уэльс лез вперед, но постоянно раскрывался. Поэтому и мы играли лучше, чем в Москве, больше моментов создали. Случилось именно то, о чем нам после первого матча в раздевалке сказал Ярцев. Помог и гол: мы и так были раскрепощены, а когда забили, напряжение вообще исчезло. Может, и у тренера тоже – недаром он потом рассказывал, что впервые в карьере ни одной сигареты за матч не выкурил, хотя обычно дымил порядочно. По-моему, он за всю игру в Кардиффе ни разу со скамейки и не встал даже...

То, что мы – на чемпионате Европы, лично мне стало ясно только после финального свистка. Конечно, я знал, что валлийцам надо забивать не один, а два мяча. Но по манере их игры чувствовал, что эта команда может и два забить за минуту.

Потому что игра у них простая – заброс на длиннющего Хартсона, он скидывает мяч партнерам, а там может случиться все, что угодно. И если такая нехитрая комбинация пройдет один раз, может сработать и второй. Тем более что Уэльс почти пятьдесят лет на чемпионатах мира и Европы не играл и тут оказался от Евро на расстоянии вытянутой руки. Истерия там по этому поводу творилась страшная. Поэтому и на мой эпизод с Гиггзом так отреагировали – там только спичку поднеси.

Скорость у Райана сумасшедшая, индивидуально мог разобраться с кем угодно. А меня ни разу за два матча не обыграл.

Очень вовремя на замену выпустили Радима. Тот, по-моему, за десять минут успел больше касаний сделать, чем Титов за предыдущие восемьдесят. В одном из эпизодов они, кажется, с Аленом, разыграв угловой, минут пять мяч держали, не давали Уэльсу его отобрать! И очень здорово тем самым их пыл погасили. Вообще, у нас моментов во втором тайме было больше. Булыкин вообще один на один по центру выходил – но не забил. Все свои голы Дима Швейцарии заколотил, после чего на него обрушилась слава: даже Пеле, который вскоре приезжал в Москву, с ним встречался. После этого Булыка забивать перестал.

...И вот – конец. Мы – на чемпионате Европы! Вижу – Ярцев бежит ко мне. Обнимаемся. Потом – куча-мала у углового флажка, все сходят с ума. Ловим Ярцева, в воздух кидаем. Потом в раздевалке кто-то быстро накачается пивом, которое там непонятно откуда возникло, и начнет кидаться пивными банками...

* * *

В какой-то момент всего этого безумия на поле и случилось то, о чем потом долго говорила вся Россия. Но в какой именно момент – хоть убей, не помню. Все было как в тумане...

Я заметил, что за мной неотступно следует камера. В одну сторону иду – она сюда, в другую – туда. Вроде как герой матча. Рядом идет Бородюк. И, видимо, уже понимает, что я готов что-то отчудить. Говорит: «Не надо, не надо!»

Надо. Меня всего переполняло от того, что в последние недели испытал. Ну и выплеснулось.

По-моему, я даже два раза это «Х... вам!» крикнул. А до этого – фразу «Знай русского Ивана!» Но, видимо, еще был далеко от микрофона, и ее зрители не слышали. Жаль. А вот о той фразе не жалею. Абсолютно. И мне было приятно, когда узнал, что к чемпионату Европы выпустили серию футболок с этим выражением.

О чем я думал, когда кричал? Хотел ли, чтобы народ услышал? Да если честно, ни о чем не думал, ничего не хотел. В таком состоянии голова отключается.

А крикнул я это, естественно, валлийцам, имея в виду, что снимают матч не наши, а они. Адресовал эту фразу народу Уэльса. Не сказать, что как-то его ненавидел, – ничего подобного. Просто мы их обыграли! Знал, что британское телевидение всегда так действует – после финального свистка показывает лучшего игрока и того, кто забил...

Крикнул – и тут же забыл. Как это говорится – в состоянии аффекта. В этих словах не было смысла. Просто я вложил в них все то, что испытал до и во время операции Полины. Все то, что чувствовал после первой игры, когда на телевидении все говорили, что в Уэльсе у нас нет шансов, потому что дома сыграли вничью и в гостях у нас не будет двух ключевых игроков. Может, тем, кто в нас не верил, тоже кричал – кто его знает? Сейчас многое домысливать можно.

Потом много интересного про ту фразу читал. Виктор Шендерович написал, что ею я выразил русскую национальную идею. Понравилось. Здорово и поэт Михаил Танич, как мне передали, в интервью сказал: «Это же шлягер! Не может же человек всю жизнь скрывать эмоции. А этот гол Уэльсу был высшей точкой его жизни. И выиграло в нем что-то наше, русское. Я с восторгом это услышал». Прав Танич – это действительно была главная точка в моей жизни.

Потом уже мне посчастливилось с Михаилом Исаевичем познакомиться – вратарь Димка Бородин подсобил, когда мы с ним в «Торпедо» играли. Встретились около Сандуновских бань в ресторане «Белое солнце пустыни». И оказалось, что Танич – футбольный человек, здорово разбирается. Рассказывал, как они с друзьями в тот момент, когда ЦСКА Кубок УЕФА выиграл, взяли длинный белый лимузин и по Садовому кольцу на нем разъезжали. Пусть земля ему будет пухом...

И уж совсем мне понравилось, что в сборник анекдотов попал. Читаю много лет спустя – и натыкаюсь: «Когда у России с японцами возникли проблемы из-за спорных островов, Дмитрий Медведев отправил на переговоры Евсеева...»

Не только в анекдотах, но и в жизни в связи с этим возникали смешные моменты. Когда я закончил карьеру игрока и несколько месяцев работал в агентской компании у моего друга детства Саши Маньякова, поехали мы как-то в Киргизию подписывать местного футболиста Валерия Кичина. Так какие-то высокопоставленные киргизские чиновники представляли меня друг другу так: «Знакомься, это Вадим Евсеев. Ну тот, который «Х... вам!»

Если честно, я не краснел. Сказал – и сказал. Время было очень позднее, и дети, которые такие слова слышать не должны, уже давно должны были спать.

А с Гиггзом мы лично больше никогда не пересекались. Но когда он еще в позапрошлом году доигрывал свой последний сезон за «Манчестер Юнайтед» – клуб из заграничных, к которому я давно неравнодушен, – приятно было вспоминать 2003 год.

* * *

Александр Маньяков, друг детства:

– До сих пор помню те дни, когда Полине операцию делали. Я жил тогда в городе Дзержинске Нижегородской области. Утром в день операции встал, в церковь пошел, свечку поставил, за здоровье ребенка помолился. На улице Циолковского церковь новую построили, я там жил недалеко. Специально встал пораньше, чтобы точно до операции – переживал сильно. Первая крестница моя...

Сам Вадик эмоции редко на людях показывает. Он очень волевой человек и тогда все держал внутри. Не делился, не дергался, не нервничал. Конечно, мы все, друзья, ему говорили: «Вадяш, все будет нормально».

Помню и то, где был, когда Вадик Уэльсу гол забил. Я приехал из Нижнего, пришел к другу, взяли бутылочку, сидим смотрим – он, его жена и я. И наши забивают. Суматоха, я отвлекся, момент гола в прямом эфире не видел. А потом смотрю повтор: господи, это же Вадик забил! Радость такая...

Таня с Полиной в Мюнхене в больнице была, матч смотреть не могла. Сразу звоню – а она недоступна. Потом уже домой пришел, написал: «Как ты думаешь, кто забил?» – «Не знаю» – «Вадик забил!». Потом говорила: «Ты первый сказал, что Вадик забил». А потом он отмочил в камеру – и стал медийной фигурой, и везде его принялись приглашать...

Таня его экстравагантные выходы никогда не одобряла. Но тут как сдержишь эмоции? 70 тысяч тебе свистят, как только ты мяч получишь. Дочке только что операцию сделали – и все хорошо. И ты гол забиваешь, команду на Евро выводешь...

«Х... вам!» – эта фраза стала эпической, культовой. До какой степени, я понял только много лет спустя. Когда Вадик закончил карьеру, он стал в нашем агентстве работать. Поехали мы на Кубок Содружества игроков смотреть, увидели в сборной Киргизии молодого парня, Валеру Кичина. Подписали.

У киргизского клуба «Дордой» это был первый серьезный трансфер. Они пригласили нас в Бишкек, и мы с Евсеем туда полетели. Вы бы видели, как они с ним познакомились. Олигархи, высокопоставленные люди. «Э, Канат, иди сюда! Вот это Вадим, помнишь? Как же – Евсеев, который крикнул: «Х... вам!» Да-да, тот самый, представляешь?!»

А через пару-тройку недель после матча с Уэльсом собрались у него дома, как раз Таня с Полиной вернулись. А потом их сразу стали приглашать на передачи, в газеты, журналы... Звонит как-то Вадик, говорит: «Должен выйти журнал “Еврофутбол”, там мое интервью». Я нашел, купил, звоню Тане: «Вам взять?» – «Возьми сколько можешь». В киоске журналов еще штук пять оставалось, все купил!

Тогда же их с Таней к Андрею Малахову на программу пригласили. Я по телевизору смотрел, и запомнилось, когда Малахов ее спросил: «А откуда вы узнали, что он гол забил победный?», она ответила: «Полинин крестный сказал». Приятно было! Когда вся эта шумиха вокруг него началась, результаты футбольные пошли вниз – и помню, как он решение

принял: всё, больше никаких программ. Таня ему как-то говорит: «Может, пойдём?» Он: «Нет. Хочешь – иди сама». Моментально все это прекратил. Ему не нужен был пиар.

* * *

Я и за Ярцева был рад. За тренера, который первым во взрослом футболе в меня поверил, поставил в двадцать лет в основу «Спартака». Перед сборной он несколько лет не работал, и эта победа была ему очень нужна. Забив тот гол, я смог отблагодарить его за 1996-й.

Он ведь в Кардиффе не только за себя, но и за Романцева ответил. За тот жуткий эпизод с Украиной в 1999 году. До сих пор помню, как сидел на трибуне «Лужников» – и когда Андрей Шевченко подал, я посмотрел, где стоит Саня Филимонов, и во время полета уже подумал, что сейчас будет гол. Видно было, что мяч его перелетает, а на заднем шаге трудно выпрыгнуть. Жуткое тогда у всех состояние было. И заноза та долго сидела. Вплоть до Уэльса...

Мы пришли в раздевалку. Молодежь – Сыч, Керж, да и ребята поопытнее вроде Игнаша (Дмитрий Сычев, Александр Кержаков, Сергей Игнашевич. – *И. Р.*), и даже тренер Бородюк скакали, радовались, из пацанов только Акинфеев, помню, сидел спокойно. А я так вообще не вставал. Никаких сил не было, всё на поле отдал.

Ярцев подошел и произнес примерно то же самое, что и мне сказал в тот момент, когда принял сборную. Что мы никогда друг друга не подводили. И сейчас не подвели. Овчинников сказал: «Я знал, что мы выиграем и ты забьешь». Они всем «Локомотивом» смотрели матч на сборе в Хосте. И Семин был так же уверен в нашей победе, как Босс...

Первым, помню, прямо в раздевалку мне дозвонился одноклассник, Андрей Ровдо. Вернее, это был первый звонок, когда я взял трубку. «Знаешь, что ты в камеру сказал?» – спрашивает. «Нет», – отвечаю. Он и объяснил.

Вспоминаю, что в раздевалку зашел телекомментатор Владимир Маслаченко. После первого матча он написал о нас неприятные слова, и мы были на него злы. Поэтому, когда ко мне подошел за интервью корреспондент «НТВ-плюс», где Маслаченко работал, я ему отказал. Бросил: «Вы же в нас не верили!» Сейчас понимаю – мальчишество, те же эмоции. Но тогда...

Потом мы сидели в гостинице с приехавшим на матч Андреем Канчельскисом, министром спорта Вячеславом Фетисовым и его помощником, пили пиво. С Фетисовым прежде лично знаком не был, при том что хоккей обожал. Интересно было вблизи на него посмотреть.

В гостинице решили не оставаться. Глубокой ночью на заказанной заранее машине поехали с Канчельскисом к нему домой. Ехали из Кардиффа в Лондон долго, часа три, наверное. О многом успели переговорить с человеком, который несколько лет играл с Гиггзом в одной команде. Вот только, по-моему, как раз о Гиггзе и не говорили.

Приехали где-то в четыре утра, на пару часов до выезда в аэропорт лег спать. Когда наутро проснулся, об Уэльсе, своем голе, чемпионате Европы вспомнил, конечно, но только на какую-то секунду. Думал уже о семье, о дочке. Переключился.

...Больше этого выражения я нигде не повторял, хотя многие просили – на бис. Крылатая фраза должна быть сказана лишь однажды. Если повторяться, будет банально. Да и невозможно такое подготовить заранее. Это может случиться только на таком диком эмоциональном накале, который у меня тогда был.

Потом, когда ко мне подходили за автографом, не раз просили, чтобы дописал еще и эту фразу. Отвечал: «Сами допишете». Много раз такое было. Но не написал ни разу.

Такие просьбы меня не раздражали. А вот когда на радио какая-то слушательница по телефону начала кричать, что меня дома плохо воспитали, поэтому я так выругался, – признаюсь, разозлился. Знали бы вы мою ситуацию – а потом выводами бы бросались. Да, Ярцев рассказывал о том, что у меня в семье произошло, но все равно, думаю, в курсе событий было не так уж много людей.

Дочка матом не ругается. Хотя все эти слова, уверен, знает. У них же в классе – сплошные пацаны. А шестнадцать лет – как раз тот возраст, когда матерятся для самоутверждения. В классе, правда, всего пять человек, школа-то частная. Но четверо остальных – ребята...

* * *

Михаил Боярский, актер:

– Я сторонник лояльных отношений с телевидением. Не стоит, мне кажется, такие вещи делать. Но сам сюжет с победным голом Евсеева на стадионе, который освистывал каждое его касание мяча, – это было очень красиво. И сравнение нашего футболиста с д'Артаньяном тут вполне уместно. («Спорт-Экспресс», 2005 год.)

Виктор Шендерович, писатель-сатирик, публицист:

«...Национальная идея, находившаяся в федеральном розыске со времен Бориса Николаевича, в ноябре 2003 года вдруг объявилась сама. Случилось это в прямом эфире Первого канала, после победного матча Уэльс – Россия. Озвучил идею неожиданно не только для мира, но, пожалуй, и для самого себя, герой встречи, защитник Евсеев.

Идучи в раздевалку после матча, он обнаружил перед своим разгоряченным лицом несколько телекамер и громко, по очереди, сказал в каждую из них: «Х... вам!» Я думаю, Евсеев не имел в виду обратиться таким образом к российским болельщикам, а имел в виду как раз Уэльс, да и, чего мелочиться, все семь восьмых земной суши снаружи от Родины.

Сам того не желая, он разом выразил то, чему многие века подряд были посвящены главные усилия нашего народа. Лучшее и худшее, что мы делали на Земле, мы делали ради права сказать эти бессмертные, хотя и недлинные, слова. Потому что просто, как какие-нибудь бельгийцы, жить ежедневной порядочной жизнью по общим скучным законам – ну, не вдохновляет! Эдак живя, некому даже изложить национальную идею.

А вот соорудить в чухонских топях чудо-город или победить Гитлера, потому что «Х... вам!», и потом самим же оккупировать пол-Европы с тем же внутренним посылом; и назло Америке первыми полететь в космос, и спиться назло КПСС... Ах, это наше!

Впрочем, Евсеев был не первым. Задолго до этого Ломоносова в бутсах какой-то неизвестный лагуазье сформулировал не хуже: Игорь Иртенев, вернувшись из путешествия по Родине, божился, что, проплывая под Вытегрой, видел пустынную пристань без малейших следов человеческого присутствия. А на пристани этой – метровыми буквами написанное «Х... всем!»

Не «вам», обратите внимание, а – «всем»...

Игорь первым и догадался, что это она и есть – долгожданная национальная идея. Он даже предлагал скинуться и прорубить в

тайге просеку соответствующего содержания, чтобы из космоса видно было...» (Из книги «Изюм из булки».)

Георгий Ярцев:

– Есть надежные люди, которым ты доверяешь безоговорочно. И когда Вадику перед играми с Уэльсом потребовалось уехать к дочери, я даже не сомневался, что он не просто вовремя вернется, но придет готовым на сто процентов. Недаром, когда позвонил ему сразу после назначения в сборную, сказал: «Мы же друг друга не подводили». Так было и до того, так оказалось и после.

Те несколько лет, что прошли между моим уходом из «Спартака» в «Динамо», и моментом, когда мне доверили сборную, мы общались мало. Помню, как еще в мой динамовский период однажды пересеклись в Новогорске и Вадик не стал скрывать некоторой обиды, что я взял с собой Костю Головского, а его – нет. Я бы, может, и хотел, но так сложилась ситуация, что в «Динамо» его позиция была закрыта.

Но, следя за его игрой за «Локомотив» в течение нескольких лет, в необходимости Евсеева сборной, причем в качестве игрока стартового состава, не сомневался ни капли. И из-за характера, и из-за того, что у него есть ценное качество – играть на любом фланге. Может, правая нога у него посильнее левой, но качество игры на обоих краях было одинаково.

Моей задачей было собрать людей, которые с первой же тренировки поняли бы, что я от них хочу и в какой футбол с какими соперниками мы будем играть. Они работали на тренировках, сидели на тактических занятиях, я видел их реакцию и видел, что мои слова доходят до них. Тот же Евсеев и понимал меня идеально, и сам я знал, что такие, как он, никогда не сдадутся. И прекрасно понимают, какая ответственность лежит и на них, и на мне.

Да, я рассказал журналистам, а через них и болельщикам, почему Вадик улетел в Германию и что случилось с его дочкой. Объясню почему. Перед Уэльсом каждый день собирались пресс-конференции. И все интересовались, зная мое отношение к Евсееву и то, что это игрок основного состава: почему его нет. А вы помните, какой в тот момент была ситуация с некоторыми игроками и какие вокруг всего этого роились слухи (Ярцев намекает на последующую дисквалификацию Егора Титова из-за массового употребления в «Спартаке» запрещенного препарата бромантана. – И. Р.). Подоплека вопроса была такая: не на таблетках ли он, не из-за этого ли уехал? Поэтому я и сказал: успокойтесь, человек уехал по таким-то семейным обстоятельствам. Сказать абстрактно – «по семейным» – было нельзя, потому что это не выглядело бы убедительно, слухов стало бы только больше. Вокруг сборной и так-то творилось черт-те что, и нельзя было ситуацию замалчивать. Надо было четко ответить, почему Евсеев не участвует в тренировочном процессе.

Сомневался ли я, ставить ли Вадика на первый матч с Уэльсом, учитывая, что у него выпало несколько тренировочных дней из-за перелета в Германию и обратно? Ни секунды. С составом я давно определился, и Евсеев в нем был. У нас был уговор, что он вернется. Конечно, я допускал, что что-то может пойти не по плану, и держал в уме вариант замены на этот случай.

Но коль скоро он вернулся в срок – это была его позиция. К тому же, если честно, после тщательного разбора игры Уэльса у меня и другого варианта не было, кого против Гиггза поставить. Может быть, разве что Смертин подходил, который знал Райана по английскому чемпионату. В итоге в первом матче Алексей играл на правом фланге полузащиты и помогал Евсееву опекать Гиггза. Но в целом непосредственно на фланге обороны Вадик был гораздо надежнее и выполнил поставленную перед ним задачу.

Главным перед игрой было, чтобы он восстановился эмоционально, пожил на базе, успокоился и через пару легких тренировок эмоционально зарядился. Я его и не трогал. Даже не разжевывал детально, как надо играть против Гиггза, потому что как раз ему не надо было ничего вдалбливать: я знал Вадима как игрока умного, грамотного, и ему достаточно было понимать основные вещи.

В борьбе он мог быть жестким, а иной раз и жестоким. Но не припомню ни одного момента, когда его кто-то вчистую переигрывал. Вот взять первый матч с Уэльсом, почему Гиггз так вспылел? Не только потому, что Вадик его грубо встретил. А из-за плотной опеки Евсеева на протяжении всего матча, которая не позволяла ему вообще ничего сделать. Такому-то футболисту! У Вадика была именно такая задача, и свой фланг он наглухо прикрыл.

Райан весь матч копил злость, и в тот момент она выплеснулась. Вадик немножко подумал и упал. Удар же был? Был. И уже после ответного матча Гиггза дисквалифицировали. Возможно, у нашего игрока было желание избавиться от Гиггза на поле, но не удалось. Наверное, потому, что Евсеев в принципе парень очень честный и симулировать не умеет.

А за фол против валлийца я не могу Вадика винить. В конце концов, а как действовать против игрока с таким уровнем мастерства? Далеко не всегда отберешь мяч чисто. Помню этот момент: там был перехват, Вадик резко пошел на соперника и сыграл, может, даже жестоко. Но не из-за того, что он хотел нанести травму, а только из-за желания не уступить и победить.

Порой у него самого были травмы, и он не мог выйти даже на предыгровые тренировки. Но я спрашивал: «Будешь готов к игре?», и он тут же отвечал: «Буду». Если он так говорил, то я не сомневался ни секунды: действительно будет. И не просто будет готов, а травма никак не скажется на его игре! Так и произошло в Уэльсе, хотя часть подготовки к матчу он пропустил – пусть не из-за травмы, а из-за отъезда к дочке.

После трех успешных отборочных матчей подряд – с Ирландией, Швейцарией и Грузией – у нас, как всегда, был взрыв эйфории, и 0:0 дома с Уэльсом стали ушатом холодной воды. Я-то видел, что мы сильнее – но вот бывают такие матчи, когда не идет мяч в ворота. Игроки в раздевалке были подавлены, и я понял, что лучшие всего в этой ситуации их поначалу оставить в покое.

Конечно, я знал, что они пили пиво на базе вечером после игры. Просто не давал это никому понять. Они думали, что такие хитрые – но мы-то все это на много лет раньше прошли. Да и, в конце концов, попили пива – ну и

что? Там же не было какой-то серьезной коллективной пьянки. В западных клубах «кока-колу» не разрешают пить, а пиво позволяют.

Выпили, пообщались, обсудили. Если бы я им запретил – они что, не нашли бы возможность? Глупо так думать! Одно из искусств тренера – чего-то не замечать. Тем более когда все заодно. Это как раз важно, чтобы люди душу вместе отводили, а не каждый сам по себе. Так коллектив только укрепляется.

А вот после выходного дня был серьезный разговор, когда команда вышла на первую тренировку. Разумеется, касался он не пива. Я сказал: «Кто не верит – сумки на плечи и домой. Пусть я останусь с 13-ю или 14-ю игроками, но с теми, кто верит в победу и будет биться за нее». У кого-то, я видел, были сомнения, но остались все. И взяли тем самым на себя ответственность. Но в таких, как Евсеев или Радимов, я и не сомневался. До команды удалось достучаться, в Уэльс она приехала раскованной – и с большим достоинством там сыграла. Четко выполнила установку и победила.

Это был один кулак, а не растопыренные пальцы. И такие люди, как Вадик, и сцементировали игру. Благодаря такой линии обороны, как Евсеев и К°, Славе Малафееву было достаточно комфортно в день дебюта за сборную. Хотя все понимали, что парню придется несладко. У того же Акинфеева первый матч за сборную – товарищеский против Норвегии – сложился неудачно, и Ринату Дасаеву пришлось приложить много усилий, чтобы Игорь вошел в свою колею. Но у Славы все прошло без эксцессов.

Во многом благодаря тому, что Вадик не только забил победный мяч, но и весь матч отыграл безупречно – главное, на своей позиции. Когда человек находится под таким прессом, давлением обстоятельств, и не просто выдерживает его, а забивает решающий гол, – это вызывает особое уважение. А это высказывание в камеру... Вот тут-то, видать, как раз и выскочило все, что копилось это время. Весь негатив.

Меня потом замучили этими вопросами. Кто-то говорил: мол, он бескультурный. Но люди не могли даже представить, что человек пережил. А я понимал: это был выплеск души. Все, что он молча переваривал внутри себя, в ту секунду в тот спонтанный крик и вложил.

* * *

* * *

Потом начались чествования.

«Норильский никель» в ювелирном магазине в ГУМе бриллиант вручил – как бы в подарок ребенку.

Банк «Авангард», помню, ближе к Новому году дал мне золотую карточку, на которой лежало 5 тысяч долларов, и подарок для дочки – куклу, где-то она до сих пор на чердаке нашего дома. Хозяин банка лично вручал. Я сначала хотел отдать деньги в детский дом, а потом решил, что у меня и своя семья, свой ребенок есть. И мама, о которой тоже заботиться надо. Почему я их должен обделять?

Меня стали регулярно узнавать на улице, чего раньше почти никогда не случалось. Какая-то шестидесятилетняя бабуля опознала в магазине – тут я вообще обалдел. Позвали на программу Андрея Малахова. Наконец, на новогодний «Голубой огонек», где мы с Катей Лель пели. Понравилось ли? Предпочел бы, как Саша Овечкин в ее клипе: стоять у телефона-автомата и ничего не делать...

Не могу сказать, что мне все это не нравилось. Но главным в жизни было, конечно, другое. То, что у ребенка хорошо прошла операция. И что Полина вернулась из Мюнхена в Москву живой и здоровой.

Ведь если бы не было всех этих переживаний – не было бы и гола. Уверен на тысячу процентов.

Татьяна Евсеева:

– Полина всю эту историю знает. В Интернете вначале вычитала. Сейчас уверенно говорит мне, что помнит, но я думаю, что нет – ей же тогда всего четыре годика было.

Тогда в Мюнхене у меня не было телевизора, по компьютеру смотреть футбол было еще невозможно – в общем, матч с Уэльсом в прямом эфире видеть не могла. И первой, по-моему, мне после матча написала эсэмэску девушка Булыкина: «Ну твой и отчудил!»

О боже, думаю, ну что он там еще натворил?! А тут и Инга Овчинникова звонит, все рассказывает. Радуюсь, конечно, что забил, но, услышав про фразу, хватаюсь за голову: «Мама дорогая, и что же теперь будет?!»

Вначале была в шоке, обалдела. Как-то не особо мне это все понравилось. Но потом поняла, почувствовала. Видимо, у него все то, что творилось с дочерью, внутри сидело, и он не знал, как с этим справиться.

Мне кажется, этот гол он получил откуда-то свыше. Бог дал ему этот глоток славы за все, что он тогда пережил.

Он ничего не имел в виду. У него это просто вышло. Операция у Полины удачно завершилась. Он забил этот гол, и команда вышла на чемпионат Европы. Что-то щелкнуло в голове – и Вадик не нашел ничего лучшего, чем вот это крикнуть.

Дома-то он матом редко ругается. Есть, правда, одно словечко, которое проскальзывает – даже Полина ему говорит: «Папа, ну сколько можно?»

Перед игрой созванивались ежедневно – но не в день матча. Он в день игры в себя уходит, его нельзя трогать. Даже если какой-то форс-мажор. Предчувствий у меня не было. Я, если честно, не думала, что его и на поле-то выпустят. При такой психологической нагрузке. Не каждый тренер согласится поставить игрока в подобной ситуации.

Но Ярцев-то Вадика знает и любит. У меня к нему очень теплое отношение, как и к Семину. Очень душевные люди, тем и похожи. Помню, когда Георгий Александрович принял сборную, сразу позвонил Вадика и сказал: «Ты у меня – первый кандидат». Он первый тренер во взрослом футболе, кто увидел в нем того, кем он в итоге и стал.

А Семин развил. Они с Вадиком постоянно друг друга подначивали, ходили по острию ножа. Юрий Палыч знал, что его надо заводить. И этим, мне кажется, пользовался, чтобы извлечь из мужа максимум. В Уэльсе же его завела ситуация с дочкой.

В «Торпедо», в первую лигу, Вадик потом пошел, чтобы поддержать Ярцева, у которого незадолго до того убили сына. Говорил: «Зовут в «Торпедо», Санычу надо помочь». И это вообще не обсуждалось.

В Германии я так ту игру и не посмотрела – сделала это уже в Москве. После того как меня потрясла встреча в аэропорту. К Вадиду ведь корреспонденты еще и в Германию прилетали. В ночь после матча журналисты звонили прямо в клинику. Но я ни с кем не говорила.

А потом...

Потом мы прилетели в Москву, и я думала, что нас только мой папа встречать будет. А там – целая тьма журналистов. Камеры, микрофоны. Потом пошло-поехало – к Вадиду приезжали Первый канал, НТВ, другие каналы. Потом – программа Малахова, «Голубой огонек». Приятно ли было ощутить себя звездой? На тот момент приятно, конечно. Могло быть всего этого и больше, если бы я позволяла. Но я не позволяла.

Так, к Малахову я идти не хотела, но не потому, что плохо к нему отношусь, – просто не люблю все эти съемки, интервью, не считаю себя публичным человеком. Сидела дома, Вадик поехал один. Но потом звонок от администратора программы: «Очень просим вас приехать, слезно умоляем». Я и поехала.

Вадик, кстати, тоже быстро всю эту вакханалию прекратил. У Булыкина, Нигматуллина в тот период появились пиар-менеджеры, нам тоже предлагали. Муж отказался, сказал, что ему это не нужно. В фанфары побили – и хватит. На следующий сезон все и стихло. К нашему облегчению.

Там, у Малахова, всем было очень смешно от той реплики Вадика. Даже песню про нее Газманов, кажется, сочинил. А я сказала, что мне в те недели было не до смеха. И только близкие знают, каково нам тогда пришлось на самом деле.

Не завидовали ли окружающие? Вспоминаю, как одна родственница мне рассказала, что подходит к ней какая-то женищина и говорит про нашу историю с Полиной: «Знаете, почему у них все это произошло? Потому что людям – или слава, или деньги, или здоровье». Вот так. К сожалению. Мы должны ограждать себя от таких людей. Но как?..

А тот момент стал переломным не только в судьбе Вадика, но и в моей. В хорошем смысле переломным. До того была очень напряжена по поводу ребенка и ее болезни, годами не могла ни минуты отдохнуть – в первую очередь морально. А тут как-то отпустило. Слушала, как Вадик поет с Катей Лель, вспоминала, что мы пережили, – и подумала: «Слава богу. Все худшее позади».

Глава вторая

Если бы не футбол, мог бы стать бандитом

...Мне тогда было тринадцать. Мы, балбесы из динамовской школы, как обычно, на перемене играли в трясучку. Брали несколько монет и начинали трясти между ладонями, предварительно загадав, орел или решка. Монетки были от копейки до двадцати, о рублевых не было и речи – богатеи среди нас не водилось. Потом бросали, и кто угадал, каких больше, – тот монеты и забирал. Причем не все, а допустим, две из четырех. И продолжаешь играть.

Школа была общеобразовательная, но привязанная к спортивным клубам – не только футбольному, но и хоккейному. Перешел я туда в пятом классе, до этого учился дома, в Мытищах. На три-четыре класса старше были будущие динамовские хоккеисты, а потом звезды НХЛ – Андрей Николишин, Алексей Ковалев. Нас, мелких, они и не замечали. Мужики, а мы-то еще дети.

За трясучкой-то нас тогда директор школы и поймал. Конкретно меня. Привел к себе в кабинет, на завтра вызвал родителей. Я им этого не передал. Никто ничего не сказал, вроде бы тема забылась.

А через месяц наша команда должна была ехать на свой первый международный турнир – во Францию. За границей я до того никогда не был, тем более – за такой. Шел 1989 год, страна еще называлась – СССР...

Поездку ждали с диким нетерпением. И тут надо идти к директору школы, чтобы характеристику подписать – тогда без этого было не выехать. Я уже давно забыл про эту трясучку – ну что в ней, в конце концов, особенного? А он все помнил. И характеристику подписывать отказался.

Я – к тренеру, Виталию Трунину. Он когда-то в «Динамо» был хоккеистом, но где-то на подхвате, больше в запасе сидел. Став детским футбольным тренером, менял нас иногда целыми пятерками, как в хоккее. И за школьной успеваемостью следил. Объясняю ему ситуацию, прошу сходить к директору за меня попросить.

Провинность моя была такой мелкой, что я не сомневался: тренер поможет. Отношения у нас были хорошие. Лидером, правда, я никаким и близко не был – то играл, то не играл. Но если выходил, то бился как мог и никогда команду не подводил. И был уверен, что мы все вместе с тренером – один за всех и все за одного.

Когда он мне ответил, что к директору просить за меня не пойдет, – я был оглушен. Даже не потому, что так мечтал поехать во Францию, а теперь эта поездка накрылась. А потому, что верил в справедливость, считал: мы – вместе, и мне даже в голову не могло прийти, что он проявит ко мне такое безразличие и меня отцепят от поездки.

Мне хотелось плакать, но я не плакал – еще чего, буду я нюни разводить на глазах у человека, который меня так обидел! Нет, ответить надо по-другому. Москва слезам не верит.

И тогда я совершил первый в своей жизни самостоятельный поступок. И почувствовал себя личностью. Маленькой, но личностью.

Перед отъездом Трунин, словно ничего не произошло, сказал: «Готовься к чемпионату». Я ответил: «Буду готовиться. Только в другой команде».

И ушел в школу «Локомотива».

Все это случилось в весенние каникулы, продолжался учебный год. Его надо было доучиться в динамовской общеобразовательной школе, и я два месяца ходил на занятия с ребятами из «Динамо», а в футбол играл уже в «Локомотиве». Никто мне слова дурного не сказал – все всё поняли.

Трунин пытался отговорить: «Куда ты, зачем?» Да, я не был лидером, но всегда был надежным футболистом, даже в детстве. Поэтому тренер, наверное, и не хотел меня отпускать. Кстати, я и вел себя хорошо, со мной у него не было никаких проблем. Это стало одной из причин, почему я обиделся – ладно был бы завзятым хулиганом, дисциплину все время нарушал, головную боль ему создавал. А такого и близко не было.

Жена говорит, что я упрямый – если что-то для себя решил, меня уже не переубедить. Это как раз с того момента. В тринадцать лет сказал себе: всё, ухожу, потому что этому человеку больше не верю. И так и сделал.

В профессиональном футболе я больше всего голов за карьеру забил именно в ворота «Динамо» – пять. И в школе «Локомотива» постоянно забивал им на разных турнирах. Как-то раз, помню, играли у нас на поле в Лосинке, 5:2 их грохнули, я дубль сделал. И очень этим гордился, потому что это был редкий случай, когда на футбол выбрался отец. Чаше ходила мама, а приход папы – это было событие. И я побежал радоваться к ним...

Только сейчас мне в голову пришло, что все эти голы в ворота «Динамо», что детского, что взрослого – это как раз следствие той обиды. «Бело-голубые» с того момента стали для меня самым принципиальным соперником. На всю жизнь.

* * *

Мне было что терять. Школы «Динамо» и «Локомотива» были – небо и земля.

В динамовской школе мне, если честно, очень нравилось. Мы все время боролись за первое место по Москве, пусть и занимали в итоге второе – первым по 1976 году рождения постоянно был «Спартак», у которого собралась сумасшедшая команда во главе с Егором Титовым. Но мы шли вслед за ними.

Сейчас вот нашел фотографию, которую вы можете увидеть в книге, и вспомнил: на все наши детские матчи в «Динамо» ходил Гавриил Дмитриевич Качалин. Самый титулованный тренер в истории советского футбола, победитель Олимпиады-1956 в Мельбурне и первого чемпионата, вернее, тогда еще Кубка Европы 1960 года. И почетный динамовец, игравший всю жизнь в этой команде, а во главе тбилисского «Динамо» впервые в истории грузинского футбола выигравший чемпионат СССР.

Добрейшей души человек, Качалин поражал тем, что со всеми своими титулами к старости не устал от спорта, а смотрел игры футболистов всех возрастов, вплоть до самых маленьких. Более того, давал нам напутствия перед матчами. И, когда мы в девять лет начали играть чемпионат Москвы – шесть команд в четыре круга, он носил имя Качалина. При жизни!

Разумеется, мы, хоть и дети, понимали, кто это такой, и знали, чем знаменит. И слушали его с открытым ртом – еще и потому, что Гавриил Дмитриевич не поучал и не кричал, а был с нами добр и, я бы даже сказал, ласков. Вспоминаю о нем с огромным уважением.

Условия у нас были – по тем временам супер. Свой манеж, в котором играли всю зиму. Отличные поля на «Речном вокзале», на Флотской улице, куда переезжали тренироваться летом. Три зеленых поля!

А у «Локомотива-2» на Лосиноостровской – одно. Вроде как травяное, но травой там и не пахло. Так, кучками маленькими росла, а в основном земля. И неровная. Люди поперек с колясками ходили, с продуктами.

Передевались в вагончиках, которые вообще ничем не были оборудованы. Мыться было негде. Один шланг на всех. Даже не шланг, а пожарный кран. Никто под ним и не мылся. Это уже потом начали, лет в 16–17. А в детстве пропотели и не заметили.

В «Динамо» же было все. На «Речном» тоже вагончики, но хорошие, опрятные. Один специально для душа – несколько рожков. Другой – туалет. Раздевалка нормальная.

Зимой «Динамо» ни одной игры не проводило на улице. Начальство делало так, чтобы три команды, у которых были свои манежи – «Спартак», ЦСКА и «Динамо», – и домашние, и гостевые матчи с другими командами играли там. Но у трех остальных, входивших в высшую лигу чемпионата Москвы, – «Локомотива-2», «Торпедо» и ФШМ – манежей не было. Поэтому с теми тремя мы и дома, и на выезде играли в тепле, а вот между собой – на снегу, иногда даже льду.

Помню, первый мой год в «Локомотиве», было уже холодно, нам говорят: «Играем с «Торпедо». Я наивно спрашиваю: «А в каком манеже?» Тренер смеется: «В каком, на фиг, манеже? Видишь вон поле на улице? Вот укатаем и будем играть!» Я был поражен: «Да ладно!» После «Динамо» мне это в диковинку было. В первый момент даже подумал: и зачем уходил? Но быстро эту мысль отогнал. Решил – значит решил.

Смотрю, в каких условиях сейчас дети в футбольных академиях растут, – это же сказка какая-то. Мы о таком и мечтать не могли. Но зря некоторые думают, что если они в комфортную футбольную школу с идеальными полями ходят, то из них обязательно что-нибудь получится. Во дворе надо играть! Все будущие олимпийские чемпионы и чемпионы мира – и по футболу, и по хоккею – в детстве не вылезали со двора. А сейчас – компьютер, Интернет, видео...

В школе все равно всех учат одинаково, а индивидуально, для себя, без окриков тренера: это, мол, нельзя, то нельзя! – ты работаешь в своем дворе. Что хочешь, то и делаешь. Часами, каждый день. За год уже получают даже не дни, а недели. И это на всю жизнь закладывается.

Я, сколько себя помню, играл во дворе. Уже лет в четыре-пять, со старшими. Там была школьная коробка, а если занята – просто рядом со школой. Ставили по два булыжника вместо ворот – и вперед. До темноты.

А с коробкой повезло в том, что нигде больше в Мытищах я не видел, чтобы там песок был. А мы летом играли на песке. Нет, не босиком, конечно. В кедах обычных, на которых два мяча были нарисованы, красненьких таких. Наших, советских – где другие тогда было взять?

Лет с тринадцати начали уже против мужиков играть, которые там всегда по субботам-воскресеньям рубились. Четыре на четыре, с хоккейными воротами. Хорошая школа жизни – ног там никто не убирал. Хныкать было бессмысленно: хочешь – играй без всяких скидок, не хочешь – дело твое.

Лед в коробке почти никогда не заливали – так что и зимой футбол продолжался. Поэтому привыкнуть к игре за «Локомотив» было несложно. Просто я не думал, что на уровне футбольных школ такое бывает...

Была у нас в Мытищах и своя настоящая команда. Нет, ежедневных тренировок не проводилось, но мы собирались в нашем районе Грачи регулярно. Помню, отец одного из ребят, Александр Хлестков, работал в автоколонне, он и организовал при ней юношескую команду. Причем возраст у нас у всех был разный – от старших до младших года четыре разницы. Зато форма одинаковая! Белая майка, на ней красным цветом написано: «Колонна 1375». Как сейчас перед глазами.

* * *

Мои родители – простые люди. Мама, Тамара Павловна, когда семья жила в Москве, работала на фабрике «Восход», в типографии. Помните старые тетрадки, учебники – там сзади всегда было написано: «Фабрика «Восход». Еще до моего рождения, после того, как за шесть лет до меня на свет появился старший брат Сергей и детей в семье стало двое (сестра

Света – еще на два года старше), все переехали в Мытищи. А мама перешла на работу в соседнюю школу, в которой я потом и учился, простой уборщицей.

Отца, Валентина Сергеевича, давно уже нет в живых. Он много лет работал водителем в 33-й московской автоколонне. Ездил на грузовике, развозил по магазинам разные продукты. Самым любимым его делом было развозить пиво-воды, потому что, когда завозили товар на Бадаевский пивоваренный завод, у него была возможность взять себе несколько бутылок пива, а мне – лимонада. Изредка он брал нас с братом с собой, и я четко помню, где находилась его автоколонна – там, где съезд с Третьего кольца на проспект маршала Жукова. Сейчас там поблизости дилеры «Рендж Ровер» машины продают.

Отец был болельщиком «Спартака», и вслед за ним такими же стали и мы с братом. Но как-то так получилось, что первые шаги в футболе я делал вместе с мамой. Класе в первом я сказал ей, что хочу настоящий мяч. Она мне дала 25 рублей, я пошел в спортивный магазин и этот мяч купил. Такой праздник был!

Потом, когда попал в динамовскую школу, в девять лет пошли с мамой в магазин, и она мне купила первые бутсы. И где-то полгода ездила со мной в Москву на тренировки. Потом я уже выучил дорогу и в том же девятилетнем возрасте сам ездил из Мытищ на «Динамо» и обратно. Десять минут пешком от нашего дома на Новомытищинском проспекте до станции «Тайнинская», полчаса на электричке до Ярославского вокзала, потом на метро от «Комсомольской» до «Динамо» и еще минут пять-семь – пешком до манежа. В общей сложности час пятнадцать – час двадцать.

Даже когда надо было вставать в шесть – шесть тридцать утра, я не ныл, потому что футбол просто обожал. Интерната в «Динамо» не было, поэтому и выбор отсутствовал – или едешь из дома, или о Москве забудь. Это я потом уже читал, как мои ровесники Влад Радимов, Дима Хохлов, Рома Орещук в интернате ЦСКА жили по четыре человека в комнатах без мебели, ходили в общий туалет на тридцать человек и два километра шагали до пищеблока, где им часто говорили: «А на вас не заказано». И каждую посылку из дома они делили на всех.

Мне через все это пройти не пришлось. Лучше уж три часа каждый день тратить на дорогу туда-обратно, зато семью свою каждый день видеть. Все эти переезды меня не утомляли: как только попал в динамовскую школу, понял, что хочу быть футболистом и никем другим. Причем мне не важно было, на каком уровне играть, ведь в «Динамо», повторяю, лидером никогда не был. Главное – футбол.

Именно благодаря футболу моим любимым предметом в школе (кроме физкультуры, конечно, где я всегда был первым) стала география. Когда учитель просил кого-нибудь подойти к карте и рассказать, где какая страна находится, никто не хотел, а я вызывался: «Покажу все, что вам надо». С закрытыми глазами показывал – так, что даже учитель удивлялся.

А объяснение было простое. Я все команды в мире знал, отовсюду, где футбол есть. И когда мне говорили: «Финляндия», я сразу вспоминал: «Куусюси». Это здесь. «Аргентина» – о, это «Бока Хуниорс». И так далее. В итоге большинство стран как футболист объездил. Не зря учил. Всегда, например, мог уверенно показать, где находятся Германия и Мюнхен – и сейчас чаще всего туда езжу на горных лыжах кататься. Только до США пока никак не доберусь, хотя очень хотелось бы.

Ходил я и на шахматы в первом классе. Никаких комбинаций, конечно, еще не знал, просто любил есть фигуры соперника. Но в шахматах думать надо, все взвешивать тщательно. А я всегда предпочитал идти на врага с открытым забралом – была не была, выиграл или проиграл. Поэтому блиц мне нравится больше.

Так все мои шахматные занятия и ограничились одним годом. Хотя, кто знает, может, шахматы где-то на подкорке отложились – и поэтому я очень хорошо успевал по математике.

Правда, пока она не разделилась на алгебру и геометрию. До сих пор могу в уме складывать и вычитать большие числа, никакой калькулятор не нужен. И дочке помогал с математикой довольно долго.

Брат тоже пытался футболом заниматься, но до какой-то серьезной школы дело не дошло, к тому же травмы начались. Некоторое время, уже в подростковом возрасте, он занимался тяжелой атлетикой там же, на «Динамо», мы вместе из Мытищ ездили. Но быстро бросил, поскольку слишком поздно в этот вид спорта пришел.

Поэтому он остался простым болельщиком, ходил на мои матчи и в «Спартаке», и в «Локомотиве», причем со своим сыном. Как и мама, кстати. А в профессии он пошел по пути отца и стал водителем – раньше ездил, как отец, на грузовике, а сейчас в фирме на легковой.

При этом он окончил художественную школу и по сей день для удовольствия рисует картины. Мне тоже парочку подарил, в том числе мой портрет. У меня самого подобной тяги никогда не было – я такой же корявый, как мой почерк... Сестра раньше работала продавцом в большом универмаге «Московский» на Комсомольской площади возле трех вокзалов, а последние лет пять – в банке в Мытищах.

* * *

Мы никогда не голодали, но и не шиковали. Родители жили от зарплаты до зарплаты. Трое детей, а еще с нами бабушка по маминей линии жила. Оба деда погибли в Великой Отечественной. Семья воспринимала такую жизнь как нормальную и единственно возможную. Ни о какой заграничке никто из нас и не мечтал.

Лишних вещей у меня не было. Сестра – единственная из нас, кто учился по-настоящему хорошо – и та не стала одиннадцать классов заканчивать, а пошла работать и в вечернюю школу. Из-за того, что надо было деньги зарабатывать...

Лет в пятнадцать я около железнодорожной станции «Мытищи» каким-то образом выиграл в лотерею 25 рублей. Считается, что все такие барабаны – лохотрон, а мне почему-то повезло. Рубль, потраченный на билет, я взял у сестры. И весь этот четвертной принес домой и ей отдал. Знал, что ей нужнее...

Мама следила за тем, чтобы мы были сытыми, и я никогда не чувствовал никакого дискомфорта. Она успевала после работы приготовить ужин на всех, и мы как-то даже и не задумывались, чего ей все это стоит. Потому она и стала работать в школе, что всё рядом.

Сестра родилась еще в старой квартире, в Москве. А потом переехали – по-моему, в 1970-м. Брат родился летом того года уже в Мытищах, на Новомытищинском проспекте. Ту квартиру мы продали лет пять назад.

И я никогда не жалел, что семья перебралась из столицы в Мытищи – в родном городе всегда чувствовал себя комфортно и в Москву так и не переехал. Хотя возможностей уже во время карьеры игрока было море...

Сейчас думаю, что как младший из троих детей был у родителей любимчиком. По крайней мере меня никогда не били – ни мама, ни отец. Хотя от сестры и брата слышал, что им порой доставалось. Может, и ремешком – но не в большом количестве. В любом случае у меня нет такого перед глазами, чтобы родители были какими-то деспотами. Разве что изредка, когда сестра с братом их доводили. Тем более что у Светы с Сергеем разница в возрасте маленькая и они могли беситься вместе. А мне, например, и в голову не приходило лезть с ними драться – какое там, если они на восемь и шесть лет старше меня?

Меня родители просто ругали. Около станции «Тайнинская» был какой-то завод. И как-то раз мы с братом принесли оттуда домой ведро с гильзами. Для чего, зачем? Тогда мама на нас подняла голос прилично.

Какие подарки она тогда мне дарила – уже не помню, а когда повзрослел, стала дарить книги. Однажды вручила несколько томов «Архипелага ГУЛАГ» Солженицына, и я их целиком прочитал. Мне вообще нравится литература об истории страны – так, книгу о династии Романовых проглотил залпом.

Родители никогда на меня не давили, не говорили, кем я должен стать. Главное – хорошим человеком. Я по жизни никому не желал зла и не делал плохих вещей: чтобы кому-то было плохо, а мне за счет этого – хорошо. Это во мне мама и заложила. Она больше всего моим воспитанием занималась.

Мама у меня интеллигентная – недаром такую литературу читала, и пусть не сразу, но я к ней тоже пристрастился. А когда рос, был типичным пацаном из футбольной школы. Помню, к нам в «Динамо» пришла женщина из Дома моды Вячеслава Зайцева – учить нас этикету. Но это было бесполезно – нам, балбесам, лишь бы побеситься, в трясучку на деньги поиграть. Какие там премудрости этикета...

Да, насчет зла. Когда я в «Локомотив» пришел, однажды случилась такая история. Олег Терехин познакомил с людьми, которые пригоняли из Германии машины. Они мне «Мерседес» привезли, потом Юрке Дроздову. А через какое-то время я захотел другую машину, отдал человеку 40 тысяч долларов – и он пропал.

Потом его нашли. Он ведь кинул не только меня – еще Женю Харлачева, других людей. Харлей вплотную занялся его поисками. Нашел. Через знакомых из серьезного мира, с которым шутки плохи. Денег он не вернул – их у него не было уже давно. То ли болел чем-то, то ли еще что.

И вот эти братки нас с Женей спросили: «Что с ним делать?» Вопрос стоял о жизни и смерти. Даже так.

Мы ответили: пускай живет. Что с этим человеком было дальше, не знаю, больше мы его никогда не видели. Но со своей стороны сделали все, чтобы ему не причинили зла. Пожали, потому что как живого человека убить можно?

И я считаю, что потом это добро ко мне вернулось. И в плане спорта – поднялся как футболист. И по части денег – зарабатывать стал намного больше. А если бы сказал тогда: «Мочите его» – кто знает. Мне бы это в жизни обязательно аукнулось.

Иногда задумываюсь, кем бы стал, если не футболистом. И понимаю, что в те годы могло бы получиться по-всякому. Затянуло бы не в ту компанию – и стал бы... одним из тех. Рэкетиром, бандитом. В начале 90-х все могло случиться. Соблазн-то был велик – деньги там крутились намного более легкие, чем у простых людей. И все это видели.

На моих глазах создавались группировки. Старшие ребята, кто школу заканчивал, уже туда подтягивались, девушки с ними специфические ходили. Потом уже появились малиновые пиджаки, стволы... Меня от всего этого футбол отвел.

Бандиты ведь тоже, наверное, из нормальных до того ребят получаются. Просто жизнь так складывается, что оказываются не там, не тогда и не с теми. А потом наступает какой-то момент, когда внутри рушатся барьеры, что можно и что нельзя. Смещаются ориентиры.

В моей жизни таких эпизодов, слава богу, не было. Я не могу не то что убить человека, но даже сознательно причинить боль. Не мое это. К счастью.

Вот сказать в горячке что-то необдуманное могу, и не раз делал это. Но, когда остываю, понимаю, что был не прав. И готов признать свою ошибку.

В 2006 году играли с «Динамо». Перед игрой, помню, по бумажке зачитывали воззвание против расизма. Игра с «бело-голубыми» была принципиальной, а за нас вышел темнокожий полузащитник Кингстон, которого взяли из «Крыльев», а потом еще он выступал за шотландский «Хартс».

Начали здорово, быстро повели – 2:0. И тут Кингстон ни с того ни с сего врывается в колени динамовцу. Чистая красная карточка – даже спорить не о чем! И мы на весь оставшийся матч – вдесятером.

В перерыве я сорвался. Захожу раздевалку и при главном тренере Славолубе Муслине и при всей команде подхожу к Кингстону: «Ты чего, черная обезьяна? Мы тут читаем на весь стадион, чтобы вас не оскорбляли, а ты нас всех подставляешь. Ты что, особенный, что ли?!» Когда я читаю слова Бранислава Ивановича, что по характеру я похож на Джона Терри, почему-то думаю, что именно в тот момент Бано понял, с кем дело имеет.

Кингстон даже не встал. Обычно эти ребята вспыльчивые, особенно когда такие слова. Но тут он, видимо, понимал, что по-игроцки был не прав, и ничего мне не сказал. В итоге мы выиграли. А я после игры извинился перед ним. Никто меня об этом не просил – сам подошел и извинился. Потому что был не прав и на самом деле ни о какой расе ничего плохого не думаю. Просто психанул.

Кингстон отреагировал нормально, мы пожали друг другу руки. Больше конфликтов с ним у нас не было. Просто надо понимать: футбол – игра командная. И когда люди так себя ведут во время матча, пусть лучше занимаются индивидуальными видами спорта, где ты и только ты отвечаешь за результат. В борьбу, бег, бокс. А тут ты играешь в коллективе и должен думать о нем.

* * *

Татьяна Евсеева:

– Вадик – из многодетной семьи, и у них была очень маленькая квартира. Когда мы только начали встречаться, я приходила к ним и говорила: «А где ты вообще спишь?» А потом моя мама, которая работала с мамой Вадика в одной школе, сказала: «Тань, ну чего уж там? Если вы встречаетесь, то пусть остается у нас в гостинной». Он и стал оставаться. Это было еще до свадьбы.

Маме его очень жалко было. Со сборов приезжает, не отдыхает. У него и комнаты своей не было. У брата семья уже образовалась, плюс там, на Новомытищинском, жили его бабушка, родители, сестра. Только спустя много лет, когда Вадик стал почетным жителем Мытищ, это помогло с получением муниципальной квартиры. Семья Евсеевых стояла на очереди как многодетная много лет, но только тогда им вне очереди продали квартиру по себестоимости. Сейчас там живет Сережа, брат Вадика.

Главное качество мужа – честность. Он никогда не будет обманывать – ни меня, ни родных, ни друзей, вообще никого. Не способен. Разве что выпьет чего-то и пытается меня убедить: «Да нет, я трезвый!» – «Ну да, ты мне будешь рассказывать».

А в остальном – нигде и никогда. Даже играя в «Локомотиве», он говорил в интервью, что продолжает болеть за «Спартак». Говорю ему: «Ты хоть иногда можешь промолчать, схитрить?» Он: «Нет. А зачем?» Мне кажется, в наше время вообще не осталось таких футболистов, которые всегда за правду. Ну, единицы. Раньше таких было намного больше. А сейчас за деньги трясутся.

А еще Вадик – это преданность и благодарность. Он же, как только начал более или менее прилично зарабатывать, всем родным квартиры купил...

* * *

От «Тайнинской» – всего несколько остановок на электричке до Тарасовки. До базы команды, за которую я всю жизнь болел. Хотя и занимался футболом сначала в «Динамо», а потом в «Локомотиве». Но мечта была одна – попасть в «Спартак»...

Брат Серега был активным болельщиком и на московские матчи «Спартак» ездил всегда. Он меня к этому и привел. В 80-е годы перед матчами в Лужниках продавали вымпелы, значки, и у нас, по-моему, дома было сто разных спартаковских значков. И сорок-пятьдесят вымпелов с фотографиями разных футболистов «Спартак». Мы эти вымпелы развесили на настенном ковре.

А еще таблицы заполняли, на ватмане. Поскольку брат художественную школу окончил, все было красиво. Когда он в армию ушел, у меня стало получаться чуть похуже.

Главным моим кумиром был Федор Черенков. Если бы мне тогда сказали, что окажусь в дубле «Спартак», где он будет полузащитников тренировать, – я бы с ума сошел, клянусь. И ответил бы в тот момент, что мне вообще ничего в жизни больше и не надо.

Почему-то запомнилось, что дома у нас висел постер со всей командой 1987 года. Еще когда тренером Константин Бесков был. На том снимке одних только вратарей было то ли шесть, то ли восемь. Дасаев, Черчесов, Пчельников, Стауче... А еще... вот, Дербунов! Мы, когда с юношеской сборной России в Китай ездили, играли против какой-то команды из Гонконга. Так он там как раз и стоял – я его сразу по той фотографии вспомнил.

Снимок тот – прямо как перед глазами. Суров, Суслопаров, Капустин, Шмаров, Пасулько, Поваляев – без шеи который. Фотографий тоже было много. Но в основном все-таки вымпелы и значки.

Как-то раз, помню, утром не было тренировки, из дома выхожу и думаю: а может, поехать в Тарасовку? И поехал – не вправо в Москву, а влево в область. Ни разу в Тарасовке не был, но где она – знал. Вышел, дошагал до базы, смотрю – никого нет. Войти тогда можно было спокойно, никакого забора и охраны.

Дяденька дворник убирается, я спрашиваю: «А будет тренировка?» – «Будет, будет». А оказалось – даже игра товарищеская, с каким-то бразильским клубом. Как сейчас помню – первым на базу заехал «Мерседес», оттуда вышел Игорь Шалимов – он тогда уже звездой был, вскоре в Италию уехал. Я тогда таких машин и не видел. Затем приехал остальной «Спартак» на красном «Икарусе». Потом я не раз ездил на нем же, когда за дубль играл. А позже подрулил импортный автобус, и там – эта бразильская команда.

«Спартак» тренировал уже Олег Романцев. У бразильцев легко выиграли, а потом поехали и обыграли в Киеве «Динамо». Вот так я первый раз туда и попал. Но постеснялся к кому-то подходить, автографы просить. Я за пределами поля тогда очень стеснительный был. Просто смотрел со стороны и любовался. Неожиданно было увидеть вот так, вблизи, всех, за кого только на стадионе болеешь. Еще, может, раза три потом так же приезжал.

Помню, как базу стали от посторонних закрывать. Я тогда в дубле играл, и иногда мы тренировались вместе с основной. Так вот, во время одной из таких тренировок, когда сборники уехали, а нас к основным игрокам подпустили, какая-то собака выбежала на поле и минут на десять сорвала тренировочный процесс. Туда ведь люди из близлежащих домов собак водили выгуливать!

Тут Романцев и не выдержал. Вначале ворота закрыли: там раньше было двое ворот, и они всегда стояли открытыми. Прозрачный забор начали заколачивать железным листом – прямо на моих глазах. А главное – закрыть базу решили потому, что время было беспокойное и прямо оттуда у игроков машины воровать начали.

Точно помню, что в 1994-м Дима Ананко купил иномарку. Приезжает после игры – а машины нет. Прямо с базы увели! И у многих других ребят – тоже, там явно какая-то группа бандитская промышляла. Но Романцев положил этому конец – видимо, другого выхода не было. Хотя понимаю, что и сейчас мальчишкам-болельщикам наверняка хочется зайти на тренировку или контрольную игру. Как мне тогда...

Не раз представлял себе в детстве, как играю в «Спартак». Но не в сборной. Тогда ведь у нас был Советский Союз, и я отдаю себе отчет, что в сборную СССР никогда бы не попал. Потому что уровень сборных Союза и России несопоставим. Что логично: раньше из пятнадцати стран в одну команду выбирали, а теперь – из одной. Поэтому сравнивать их нельзя.

Я так за «Спартак» болел, что победе киевского «Динамо» в Кубке кубков, насколько помню, особо не радовался. Киевлян никогда не любил, потому что они были главным врагом моего «Спартака». ЦСКА тогда за соперника вообще не считал. Знал, что такая команда есть, но никакого антагонизма к ней не было – они же то в первой лиге играли, то были аутсайдером в высшей.

Но нелюбовь к ЦСКА у меня возникла еще задолго до того, как сам начал играть против них в высшей лиге. Дело было тут вот в чем.

1990 год, второй круг чемпионата СССР. Мы с другом, вместе с которым в школе играли в футбол, идем в Лужники на «Спартак» – ЦСКА. «Красно-белые» тогда как раз проигрывали.

На электричке приехали на «Комсомольскую», в метро спускаемся. Там на Сокольническую ветку ведет короткий эскалатор. И вижу, как впереди, на перроне, пятеро армейских фанатов – двое взрослых, трое лет по семнадцати – отлавливают парнишку со спартаковским шарфом. Только он спустился по эскалатору, сделал два шага – и как дали ему! Да еще и отобрали у него атрибутику. Это выглядело страшно.

Нам с другом по четырнадцать лет было, поэтому о том, чтобы полезть в эту заваруху, не могло быть и речи. Хорошо, что мы сами символику еще надеть не успели, а то и нам бы могло перепасть. Пятеро на одного! Это было настоящее скотство. Парень поехал не в футбол, а в больницу. А у меня с того момента и родилась неприязнь к ЦСКА.

* * *

Мотивировало ли меня желание перейти на другой материальный уровень? Безусловно. Чем старше становился, тем больше хотел попасть в команду, где можно было бы заработать денег. На стыке 80-х и 90-х время сами знаете какое было, ничего купить было нельзя. Помню, как стоял в универмаге «Московский» в длиннющих очередях за хлебом.

Бесило, что приходилось отстаивать сразу две очереди, одинаково долгие: сначала в кассу, чтобы чек пробить, а потом непосредственно за хлебом. Так в Советском Союзе было принято. За молоком, кефиром – то же самое. А сахар с солью выдавали по карточкам.

Хотелось жить нормально, чтобы обеспечивать себя и свою семью. Но переходный возраст у меня целиком в футболе прошел, и вообще футбол у меня всегда был на первом месте. Деньги есть – хорошо, нет – не обращал на это внимания, потому что к ним и не привык. И даже когда они появились – особо не тратил, откладывал. Даже когда получал мало в дубле «Спартака». Много мне и не нужно было...

В моем детстве все мы мечтали быть похожими на героев фильма «Корона Российской империи». Сколько раз я в кинотеатр на него ходил! А на футбольную тематику, помню, понравилась книга про Пеле, которую я прочитал, еще когда в динамовской школе занимался. Игорь Фесуненко, по-моему, ее написал.

С детства почему-то болел за сборную Бразилии. Почему – я так и не понял, ведь они тогда ничего не выигрывали. Но, видимо, знаменитые футболисты на слуху были – Зико, Сократес. А потом уже книжку про Пеле прочел. Его как игрока я, к сожалению, не застал.

Помню, как первый раз увидел журнал Panini и наклейки с фотографиями игроков – участников чемпионата мира 1990 года. И стал ездить на Сретенку, где был магазин «Спортивная книга». Там происходило сумасшествие молодых людей, даже детей, которые менялись этими наклейками. Например, за наклейку с Кубком мира можно было забрать полжурнала – она была очень редкой.

Что-то там и за деньги продавали. Кое-что и я продал, рублей десять заработал. И тут тамошние пацаны постарше меня схватили и начали: «Ты чем тут занимаешься, а ну-ка отдал деньги!» Один, года на три старше, за шкирку меня схватил. А я сам не понял, как ответил: «Да я местный, с проспекта Мира!»

Ответил, видимо, очень убедительно, потому что он меня отпустил со словами: «Ладно, работай». И ничего не отобрал. Какое там – работай! Я – ноги в руки и побыстрее оттуда. Место-то было не единственное – еще один магазин, около которого сходили с ума по Panini, располагался около метро «Октябрьская», а третий – где-то по пути от «Детского мира» к ЦУМу на Кузнецком Мосту. И в итоге я весь альбом собрал! Праздник для меня был большой.

Спустя годы во мне однажды детство взыграло. Помню, играл в «Локомотиве» и в 2002 году иду и вижу в киоске журнал Panini, теперь уже к ЧМ-2002 в Японии и Корею. Не удержался, купил журнал и две здоровые упаковки наклеек. Но даже половины журнала ими не заклеил. Разумеется, теперь уже никуда не пошел и ничего не искал. Заполнил то, что было, – и забросил журнал. Вспомнил детство – и хватит.

Драчуном и хулиганом в детстве, как это кому-то ни покажется странным, я не был. Никаких мордобоев не припоминаю. Примерным учеником и паинькой, конечно, меня тоже назвать было сложно – спортивный парень, усидеть на одном месте в школе не мог. Сидишь на уроке, скучаешь... На последней парте, конечно – мне там нравилось. Лучше на этом стуле назад отклонюсь, покатаюсь на нем. Иногда в результате падал. И получал от учителя...

Не хочу выдумывать и говорить, что в школе был поборником справедливости, что сильно вступался за обиженных. Пока учился в Мытищах, как пацан спортивный стремился во всем быть первым и на виду. А в Москве учиться начал – там все лидеры. Заступаться там не за кого было – каждый мог сам за себя постоять. Да так, что в спортивной школе учителям было с нами вдвойне тяжело.

Когда перешел в «Локомотив», вернулся в мытищинскую общеобразовательную школу. Учился там – и ездил на тренировки в Лосинку. Это уже не час пятнадцать езды от дома, а полчаса. Иногда садился на велосипед и из дома на тренировку на велике гнал. «Тайнинская», «Перовская», «Лось», «Лосиноостровская» – четыре станции. Могли, правда, по дороге велосипед отнять, поэтому ехать приходилось быстро.

Отнять ни разу не отняли, но однажды украли. Когда мне лет в двенадцать лень было из дома в магазин пешком сходить за лимонадом. Брат или мама как-то летом сказали – сходи. Говорю: «Поеду только на велике». Поехал, купил лимонад, выхожу из магазина – велосипеда нет. Ищи ветра в поле. Разревелся...

Спустя время бабушка мне новый купила. Но этот был уже советский, а тот – импортный. На такой же у родителей не хватало денег. Тот мой велик сто рублей стоил. А у мамы

зарплата была рублей 90, у отца – 120. В общем, велосипед им в половину общей зарплаты обошелся, копили на него. И вот так глупо взять и потерять...

С велосипедом у меня еще была одна история, которую вспоминать неловко. Где-то в первом классе, совсем маленьким, ехал на «Орленке», а по двору двигалась машина, «восьмерка». Я не смог остановиться и как на полной скорости влетел ей в дверь! Стекло разбил, в двери вмятина, а у меня велик – на три части.

Старик-водитель поймал меня и говорит: «Ты что делаешь?!» Весь двор собрался. Ну и я со страха... обмочился. Неприятно было, со стыда сгорел. «Скорая» приехала, милиция. Зачем «Скорая», если со мной все нормально? Ну да, порезы какие-то были, но руки-ноги – все целое.

Родители, конечно, покричали, но потом выяснилось, что я не виноват. Милиция разбиралась и так решила. Никаких денег за помятую дверь и разбитое стекло с родителей не потребовали. Я волновался скорее за это. Может, по двору нельзя было ездить? Хотя вроде все ездили...

Ни в школе, ни после нее не курил и не пил. Первый раз попробовал крепко выпить с компанией лишь лет в восемнадцать, в Мытищах на Новый год. Мне не понравилось, плохо было. А курить... Однажды захотелось попробовать, купил пачку «Космоса», выкурил ее за неделю. И всё. По сей день сигареты не курю. Не потянуло. Разве что сигары иногда.

Любимым напитком много лет был лимонад. Сколько себя помню в дубле «Спартака» – а это три года, – всегда лимонад пил. Наш, советский. И раньше, на «Динамо», тоже. Там стояли автоматы с газировкой: три копейки – сладенький лимонад, копейка – обычная вода. Самые хитрые проделывали дырочку в трехкопеечной монете, веревочкой обвязывали, опускали в автомат. Вода лилась, а они веревку с монеткой р-раз – и обратно. А я, когда стал постарше, просто бил сильно кулаком по автомату – и газировка сама лилась. Если же не лилась, а пить после тренировки хотелось страшно, иной раз скрепя сердце с 20-копеечной монетой расставаться приходилось – если более мелких не было...

А в драках я не участвовал, может, потому, что на улице почти не болтался, ее у меня в хорошем смысле увел футбол. Каждый день ездил в Москву и обратно, ни на какую улицу не оставалось времени. Не приходилось ли защищать девушку? Ха! Какие девушки? О них у меня тогда и мыслей никаких не было – думать на эту тему только лет в восемнадцать начал.

Если тренировка на «Динамо» начиналась в 8.30 утра, двумя часами ранее вставал, в семь затемно шел на электричку. А возвращался в Мытищи в семь вечера. Если силы были – а были они почти всегда, – шел играть в футбол на коробку. Для меня самым страшным наказанием было, когда ребята во дворе мяч гоняли, а меня не отпускали. Мама заставляла меня делать уроки и приговаривала свою любимую пословицу: «Сделал дело – гуляй смело».

И смотрел футбола много. Точно помню, как следил за матчами чемпионата Европы 1984 года, хотя мне еще и восьми не было. В финальной игре мяч испанскому вратарю в руки летел, он его под мышкой в ворота пропустил. И первую игру чемпионата мира 1986 года никогда не забуду, когда наши у Венгрии выиграли – 6:0. Классные голы дальними ударами забивали.

Когда стал постарше, начал на домашние матчи сборной ездить вживую смотреть. В пятнадцать лет, в 1991-м рванул в «Лужники», когда сборная СССР играла решающий матч отборочного цикла чемпионата Европы с Италией. Анатолий Бышовец нашу команду тренировал. Нас устраивала ничья, и игра была почти без моментов. Так 0:0 и сыграли, вышли на Европу. Я сидел за воротами, сто тысяч на стадионе, еще деревянные скамейки были...

Знал бы тогда, что через много лет Бышовец меня из «Локомотива» выгонит, – сильно удивился бы! Причем даже шанса не даст. Я ведь всегда считал его хорошим специалистом. В 2004-м Анатолий Федорович должен был принять зарубежную команду, и его спросили в интервью, каких трех игроков он забрал бы с собой из чемпионата России. И он назвал мою

фамилию. Понятно, что через три года, с возрастом, я стал хуже играть. Но не до такой же степени, чтобы зачехлить меня спустя две недели после начала тренировок...

Но я долго зло не умею держать. В свое время говорил, что Бышовцу не подам руки. Но время лечит. Правда, как-то раз оба оказались на стадионе «Новые Химки». Вижу, он идет, и он меня увидел. Мы оба сделали вид, что друг друга не заметили, и пошли в разные стороны.

* * *

Александр Маньяков:

– Вадик в детстве не был хулиганом, но шалопаем, как и все мы, был. Это сейчас на сборы ездят, а раньше как было – лето, пионерлагерь, смена, и вас как спортоотряд туда отправляют. Нам, тринадцатилетним, выделили один полный вагон электрички, мы туда загрузились и поехали в Тулу. Езды два часа. А Евсеев сел в самый конец вагона, прямо у дверей. С Разделом, тоже нашим мытищинским пацаном. Остановка, поезд трогается – а они ржут вдвоем. Не пойму – чего смеются?

Выясняется. У нас в вагоне двери заблокированы, к нам не зайдут. Так они, когда поезд трогался, помидорами и яйцами в пассажиров на перроне кидались. Я им: «Вы что, идиоты, что ли?» А они хохочут. Мамы дают сухой паек – а они яблоко съедают, огрызком кинут. Половину помидора скушают – второй бросаются.

Или уже в шестнадцать лет поехали за сборную области играть в Калугу, микрорайон Анненки. Выезд для лошадей, дорога, тир. В этом тире мы и жили. Комнатки без телевизоров, общих туалет – барак, в общем. И был у нас парень из Раменского, прозвище – Мужик. Невысокого роста, полненький, с лишним весом. И вот они с Евсеевым сдружились. Они такие разные – откуда общий язык нашли? Тот просто уличный! Он потом в тюрьму сел, как нам говорили.

Евсеев – скромняга, слова из него не вытянешь – и тот, дворовый, развязный. Но сошлись. Как-то выдался денек свободный, но мы все равно с мячами на поле вышли, жонглируем, по воротам бьем, время убиваем. А тогда только появились трехлитровые пластиковые бутылки «пепси-колы».

И они такие вдвоем идут. Бутылки в руках, пьют, а Вадик еще и кусок сахара ест. «Ты чего, говорю, «пепси-колу» с сахаром?» – «А это не «пепси-кола». – «А что?» – «Пиво». Рядом был пивбар, они туда сходили, взяли себе по баклажке темного, похожего на «пепси». Говорю ему: «Слушай, ну ты бы рыбку купил закусить, орешки, чипсы». Он: «Да оно же горькое!» – «Ну ты чудак!»

Ему тогда уже шестнадцать лет было. Иные ребята всюю закладывали за воротник, а он, поскольку не выпивал, решил таким вот образом самоутвердиться. Но настолько ему неприятно это пиво было, что он стал его сахаром закусывать. Чистое баловство! А вообще он был жуткий режиссер. Потом в «Спартаке» ребята, уже чемпионы, ездили куда-то, а он сидел на базе и к играм готовился...

* * *

Играл я где только мог. Во дворе, приезжая из динамовской, а потом и локомотивской школы, брал мяч, всех обыгрывал и забивал. Хотя как – обыгрывал? Финты, объективности ради, давались тяжело. Скорее убегал и бил. Но когда в дубль «Спартак» попал, выяснилось, что скорость у меня совсем не такая высокая, как я думал, а очень даже средняя. Удар – да, был сильный. Но главным моим качеством всегда была выносливость. Я терпел, как бы плохо ни было. Всегда терпел.

И, главное, мне всегда страшно хотелось выигрывать. Никогда не выходил на поле просто для того, чтобы побегать для здоровья. Даже если знал, что соперник заведомо сильнее.

Однажды поехал на первенство мытищинских школ. Но я-то был девятиклассником, а турнир проходил между десятичными и одиннадцатыми. К тому же у нашей команды не приехал вратарь, и я вызвался встать. Играл одновременно как голкипер и последний защитник – говоря сегодняшним языком, Мануэля Нойера исполнял.

Вышли в финал, играем с 4-й школой, а там много ребят тоже из «Локомотива», только на год-два старше – 1974, 1975-го годов рождения. Забили нам гол в первом тайме. В перерыве при 0:1 говорю одному парню: «Так, Леха, иди сюда, бери перчатки, вставай в ворота. А я в нападение пойду». Потому что с детства не любил проигрывать. И всегда старался найти кратчайший путь. Как к воротам, так и ко всему остальному. Напролом!

Отдаю голевую передачу – 1:1. А потом мне пасуют с центра поля, я под углом убегаю один на один. Смотрю – вратарь сближается. Тоже парень из футбольных. Думаю – куда бить? Как дал по центру, а он начал гадать и в угол упал. Так и закончили – 2:1. На следующий день в школе на доске почета написали, что команда старшеклассников выиграла первенство города – и фамилии. В том числе моя. Приятно было.

А в пятнадцать лет обо мне первый раз в газете написали. Играл уже за мужиков, команда, что характерно, «Спартак» называлась, меня чуть-чуть подпускали. Если кто-то из соперников меня бил, партнеры тут же заступались: «Что ты его бьешь, это наше будущее!» Мы выиграли Кубок Мытищинского района, и в нашей городской газете «Родник» опубликовали фотографию команды-победительницы.

Все это, пусть было и не на каком-то сумасшедшем уровне, укрепляло уверенность в себе. Да даже когда в детстве летом в лагерь уезжал, во всех спортивных мероприятиях там участвовал и возвращался с пятью медалями минимум. И все – за первое место. Кросс, прыжки, бег...

А вот плавать я научился в экстремальной ситуации. Каждое лето проводил у бабушки на Икше в деревне Никольское, в шестидесяти километрах от Москвы по Дмитровскому шоссе. Или у родных в Кимовске, в Тульской области. И вот там каждый день или на велосипеде, или на автобусе ездили купаться на карьер.

Там торчали островки, куда можно было, казалось, пешочком по воде перейти. Вот я переходил – и вдруг подо мной дно кончилось. А плавать я в свои тринадцать лет не умел. В какой-то момент подумал: ну вот все и закончилось. Стал выживать – так и научился плавать. Вначале по-собачьи, правда...

А еще через пару лет ездил с локомотивской школой в лагерь «Приокские зори» под Тулой, и мы ходили на Оку. А течение было очень нехорошее. И я еще раз с жизнью попрощался. Но когда уже почти задохнулся, опустил ноги – уф-ф, мель! Полчаса стоял, в себя приходил. Зато с того момента начал нормально плавать.

При этом за пределами спортивных площадок был тогда очень стеснительным. Можно сказать – два противоположных человека в одном. Эту робость я даже не в «Спартаке», а уже только в «Локомотиве» преодолею...

Я не Федор Черенков, и, в отличие от него, остававшегося в своем дворе каждый вечер, чтобы по пятьсот раз подряд мячик ногой подкинуть, дело это не любил. Чеканил очень плохо. Моим любимым делом во дворе было бить по воротам. В основном по маленьким – за мячом бегать не приходилось. Если сетка уже была порвана, мяч отскакивал обратно от борта. Причем бил что с левой, что с правой.

Головой тогда играть вообще не умел. И потом в «Спартаке» у Романцева считалось, что игра на «втором этаже» – мое самое слабое место. И вдруг в «Локомотиве» Семин выяснил, что все наоборот! Получилось это оттого, что в «Спартаке» были другие игроки, которые шли на угловые, и меня там даже не пытались использовать.

А в «Локомотиве» на тренировках Юрий Палыч вдруг обнаружил, что я хорошо играю на опережение. Стали наигрывать – и в матчах это тоже начало проходить! Но тут моя заслуга была второстепенной. Передачи Дима Лоськов отдавал такие, что с них грех было не забивать. Ты можешь сто раз в правильную зону бежать – но если туда не подают или подают плохо, никогда не забьешь.

Но Семин говорил Лоськову: закручивай, мол, на ближнюю вот в этот участок. И примерно восемь раз из десяти он точно туда попадал. А там уж кто кого – я или соперник. В итоге много забивал в чемпионате, кое-что влетало и в Лиге чемпионов – тому же «Галатасараю» в Стамбуле на бушующем «Али Сами Йен». За сборную один-единственный мяч забил – и тот головой. Правда, подавал тогда не Лоськов, а Гусев...

Все в «Локомотиве» было идеально отработано: Лоськов подает на ближнюю, ты голову подставляешь – или бьешь, или чиркаешь, а на дальней замыкают. Сейчас мы видим, как такие мячи забивают много команд. Особенно хорошо это получается у «Атлетико» и «Челси».

В футболе сейчас вообще трудно что-то революционное изобрести, все новое – это хорошо забытое старое. По той же схеме с тремя центральными защитниками, которую сейчас используют многие – та же сборная Голландии с Луи ван Галом на ЧМ-2014 так действовала, – мы играли у Семина в «Локомотиве», когда я перешел туда в 2000 году. И Газзаев с ЦСКА Кубок УЕФА завоевал с ней же. Правда, у нас крайние были ближе к обороне – Лекхето, Обрадович, Гуренко, я. А у армейцев более атакующие – например, Гусев.

* * *

Это взрослым я играл уже только на флангах обороны, а в конце карьеры, в «Сатурне», – опорным полузащитником. А в детстве куда меня только ни ставили. В «Динамо» играл защитника и крайнего хава, в «Локомотиве» – вообще на любой позиции, которую в тот или иной момент тренеру нужно было «закрыть». Разве что в воротах не стоял – это только на первенстве школ, как я уже рассказывал, случилось...

В «Локомотив» я пришел другим человеком. Лидером. В какой-то мере – потому что уровень команды был другой. Но, может, и та история с тренером Труниным и несостоявшейся поездкой во Францию повлияла. Приняв первое самостоятельное решение в жизни, я почувствовал себя мужиком. Маленьким, но мужиком. Хотя мне было всего тринадцать лет.

«Локомотив» состоял из двух команд, причем вторая по счету, как это ни странно, была сильнее первой и играла в более сильном турнире. Тогда в Москве на юношеском уровне проходили чемпионат футбольных школ и первенство клубов. Никто ниоткуда не вылетал, состав участников оставался всегда один и тот же.

В чемпионате школ играли «Спартак», «Динамо», ЦСКА, «Торпедо», ФШМ и «Локомотив-2» – в четыре круга по двадцать игр каждый. А «Локомотив-1» – во втором эшелоне, с такими командами, как «Тимирязевец», «Москвич», «Союз»... Мы считались круче, хотя

в Черкизово, при стадионе, тренировались они. А мы, как я уже говорил, на Лосиноостровской.

Когда я пришел, «Локомотив» был вечно шестым. Последним. А со мной поднялся оттуда. Так получилось, что с первой игры себя зарекомендовал, причем получалось в любой линии – от нападения до центра защиты. И в конечном счете мы даже попали на последнее первенство Союза. От Москвы туда выходило две команды, и ими оказались мы со «Спартаком». По такому случаю объединили всех лучших из «Локомотива-1» и «Локомотива-2».

Правда, не сказать, что нам это сильно помогло: мы заняли седьмое место. Но как ты в призеры залезешь, если в первом же матче против киевского «Динамо» играешь! А там Андрей Шевченко, который в наши ворота делает дубль. Но я его плохо запомнил, а вот мой близкий друг и земляк Саша Маньяков – лучше. Мне больше вратарь их запомнился, Кернозенко – тоже потом в основе играл и в сборную Украины привлекался. А запомнился, потому что в очках играл...

В том «Локомотиве», помимо меня, более или менее известными в футболе людьми стали братья Антиповы. Они сначала играли во второй лиге, в «Носте» из Новотроицка, а потом ушли в мини-футбол, где здорово проявили себя в ЦСКА. Сейчас один из них работает спортивным директором клуба второго дивизиона «Солярис», в котором главный тренер – Сергей Шустиков. Еще у нас был вратарь Попков – тоже в мини-футбол пошел и стал чемпионом России в «Спартаке» у Евгения Ловчева. Пара человек поиграла в дубле «Динамо», Виталик Кулев немного и за основу даже, а потом перешел в воронежский «Факел».

Но, конечно, ни нашу команду, ни чью-либо другую невозможно было сравнить со «Спартаком» моего 1976 года рождения. Из семи лет, что я играл в чемпионатах Москвы, они не выиграли всего два раза. А главное – куча народу в большой футбол попала!

Когда я в спартаковский дубль пришел, то оторопел – там было человек семь из той команды, что нас все время возила. Титов, Мелешин, Мовсесян, Джубанов, Рекуц, Бень, Семенов, позже – Гунько из той же команды. В первенстве школ остановить их было невозможно. Бросишь все силы на то, чтобы закрыть Титова, который уже тогда выделялся, – другие забьют.

Был период, когда я уже 17-летним в дубле играл, но полгода, когда мог, еще и за школу приходил побегать – так они нас в «Сокольниках» 10:0 отделили. Титов, Семенов, Мовсесян были большие, физически более развитые. Можно сказать, акселераты.

Их Анатолий Королев тренировал – очень жесткий тренер, который рывкнуть мог, в том числе и матом, так, что мало не покажется. А наш тренер, Александр Иванович Геворгизов, был человеком добрым. Его, к сожалению, уже нет в живых.

Трунин в «Динамо» учил нас азам. И все следовало делать, как он говорит. Но мне было интересно, а повозиться с мячом или попробовать побить через себя я и во дворе мог. Это сейчас те немногие, кому это еще интересно, выходят во двор – а там нет никого. Когда я рос, это вообще не было проблемой – играли все и везде.

Геворгизов в «Локомотиве» развязал мне руки. И не только мне. Тренировочный, да и игровой процесс больше строился на доверии и импровизации. Хорошо это или плохо – не знаю. Но важно, что девиза «Результат любой ценой!» у него и в помине не было. Он просил играть и получать от этого удовольствие. А выигрывать нам и самим хотелось.

С одной стороны, мне не хватало тех классных по тем временам условий для тренировок, которые у нас были в «Динамо». С другой, доверие тренера, не одергивающего тебя по каждому поводу и дающего свободу, окрыляло. А непростые условия, в которых мы занимались, может, наоборот, только закалили.

Но я все равно считаю, что лучше ребятам расти там, где для них созданы все возможности. Гляжу, в каких условиях они сейчас работают, – и радуюсь за них. Не хочу, чтобы неизвестно где тренировались и непонятно кто ими при этом руководил. А требовать от дет-

ского тренера результат – это неправильно. Что, по-вашему, лучше – когда детская команда занимает сплошь первые места, но потом из нее никто не преуспевает? Или когда играют ни шатко, ни валко, всем проигрывают, зато два-три футболиста каждого возраста потом играют в Премьер-лиге?

По-моему, второе. А если результат делаешь – значит, тебе надо идти вверх и мужиков тренировать. Не надо путать две вещи. Результат – это хорошо, но детские школы должны работать для того, чтобы футболисты росли. Поэтому неправильно платить детским тренерам премиальные за победы. Они должны быть материально заинтересованы в воспитании игроков.

И эта система у нас есть. Помню, когда я попал в дубль «Спартака», вдруг Трунин из «Динамо» позвонил, спросил телефон клуба. Видимо, хотел получить деньги за то, что меня воспитал. И правильно хотел, пусть мы и разошлись в тринадцать лет. Все-таки базу он мне заложил. Чем закончилось – правда, не знаю.

Сейчас, когда футболист заключает первый контракт с профессиональной командой, клуб РФПЛ должен заплатить школе, в которой он воспитывался, 400 тысяч рублей, клуб ФНЛ – двести тысяч, второго дивизиона – сто. Часть этих денег идет в школу, часть – воспитавшему парня тренеру.

В той же Голландии, не только в знаменитой школе «Аякса», а везде, результат на детском уровне не важен. И мы видим, сколько игроков оттуда выходит. Хочешь купить хорошего иностранца – езжай в чемпионат Голландии. И там не только своих молодых выращают, но и привозных развивают. Не просто так, наверное, из ПСВ вышло два великих бразильца – сначала Ромарио, а потом Роналдо.

Йохан Кройф в академии «Аякса» придумал даже, чтобы тренеры у каждой команды менялись каждые шесть недель, чтобы у ребят не возникало зависимости от них, а у самого специалиста не замыливался глаз. Понятная, хорошая система, но для нас – непривычная. Российскому детскому тренеру смириться с таким будет тяжело. Он начнет ворчать, шептать кому-то: «Я их вел два года, мы добивались результата, а сейчас – что?» А ведь у старого тренера в голове о каждом игроке сидят стереотипы, которые уже не выбьешь, а новый увидит в пацане что-то другое, разовьет.

* * *

Александр Маньяков:

– Это Вадику кажется, что он с первой игры у нас в локомотивской школе заблистал. Прекрасно помню, как нам его представили, и я, тоже мытищинский, удивился: вроде всех своих ровесников знаю, а его – нет. Оказалось, он через район от меня живет, в так называемых Грачах. Там раньше домики стояли желто-песочного цвета, и почему-то из-за них это название приклеилось.

После того как он сыграл в трясучку, попался и обиделся на тренера в «Динамо», что его не взяли во Францию, Вадик перешел в «Локомотив». Но в первый состав не проходил и впечатления особого не производил. Все изменилось, когда мы однажды на Новорязанской улице за Казанским вокзалом, где у «Локомотива» был еще один стадиончик, играли с СДЮШОР Советского района, которая теперь называется «Чертаново».

Он вышел на замену – и как начал их возюкать! Играл центральным полузащитником и вел всю игру. Думаю – ну ни хрена же себе у нас футболист появился, вот это усиление! С тех пор он всегда был в основном

составе и вмиг стал ведущим футболистом. Причем не играл за школу только на одной позиции – крайнего защитника. Там, где в итоге и провел всю взрослую карьеру!

Там еще интересное стечение обстоятельств было. До Вадика у нас в команде играл Ромка Шаронов. Да-да, тот самый, который потом стал двукратным чемпионом России с «Рубином» и съездил на два чемпионата Европы. Но тогда как было – если ты родился после 1 августа, то имеешь право играть за команду следующего года рождения.

А Шарон тут как раз начал относиться к тренировкам спустя рукава, балбесничать. Фраерок такой стал – и тренеры убрали его в команду 1977 года, где он стал лидером и вырос в серьезного футболиста. Рома ушел – Вадик пришел. Команда у нас очень дружная была, не помню, чтобы мы не то что дрались, а ругались между собой. Кликуха тогда у Евсеева была – Толстый. И не потому что лишний вес имелся, а потому что он всегда такой коренастенький был.

Он из очень бедной семьи. С его мамой и братом я на играх наших познакомился, они все время ходили за него болеть, и мама очень переживала. Не избалованный совершенно, сам себя сделал. И, сделав, помог всем своим родным. Купил брату и маме с сестрой по квартире, машины. Редко таких людей найдешь.

Вадика наш тренер Геворгизов, царствие ему небесное, очень любил. Один раз в выпускной год, когда Вадик уже был в дубле «Спартака», он в воскресенье улучил время, чтобы приехать сыграть за школу. Идет такой с сумкой, а мы сидим на трибуне, ждем, пока младший год закончит играть. Евсеев не говорил, что придет, – а тренер, как его увидел, так встал и к нему пошел: «Вадик, Вадик!» Подошел – и начал по голове гладить. Мы потом над ним за это в раздевалке ржали...

Как человек Геворгизов был очень хороший и всем нам после школы пытался помочь с трудоустройством. А как тренер... Он в возрасте был, под 70, болел, давление скакало. Тяжело ему приходилось. До сих пор осадок, что он умер уже довольно давно – а я даже не знаю, где он похоронен. По-человечески он очень много тепла в нас вложил.

Вадик – цельный человек. Никто его не подстегивал – ни родители, ни тренеры, – он сам себя сделал. Родные не накачивали его, чтобы футболистом стал, – главное, чтобы хорошим человеком. Но он сам был настроен на игру: если мы могли нахулиганить где-то, улица тянула, то его – нет. Для него существовал только футбол.

Разве что в автоматы поиграть любил – в морской бой. Как-то захожу в сувенирный магазин на Новомытищинском и вижу его. «Ты чего делаешь, тренировка же скоро!» – «Да успею!» И успел, никогда не опаздывал.

Обиделся на тренера в динамовской школе – и в «Локомотив» ушел. Хотя мы были пятым колесом в телеге московского футбола. Вместо душа гидрант стоял, его откручиваешь – струя холодной воды бьет. В туалете двери не было. Ты по-большому хочешь сходить, взгромоздился – и все смотрят. Маленькие сразу травить начинают, смеяться. Ужас!

А поля на Лосиноостровской какие были? Мы называли это – барханы. Кочка на кочке, трава на них нарастет – вот и весь газон. Лучшие уж на «гарюхе» играть, чем на таком натуральном. А мячи? Мы их называли –

НЛО. Овальные. Чуть ударишь – «грыжа» вылезает. Где такие брали – бог его знает.

Никаких заруб с тренером у него в «Локомотиве» не происходило. Чтобы огрызнулся, что-то сказал – ни-ни. В детстве он очень положительный парень был, и история с Труниным в «Динамо» – это исключение. А пихать ему не за что было – он на голову сильнее нас всех играл. Это мне пихать могли – игрок я был плохой, таких, как я, по рублю за ведро в базарный день. А его тренер очень любил.

При этом Вадика не вызывали ни в одну юношескую сборную России или СССР, ни даже в сборную Москвы. Анатолий Королев брал туда своих «спартачей», динамовцев, армейцев. А у нас – только последнего защитника. Вадика же – нет, хотя он и от природы был силен, и ног никогда не убирал, и технически неплохо оснащен, и голова варила.

Хотя, конечно, такого суперталанта, как у Егора Титова, у Вадика не было. Меня перед выпускными годами персонально против него ставили – но куда там! Без шансов, настолько он выделялся. Как и Андрей Шевченко, который нам в финальном турнире чемпионата СССР пару положил. Вот это – таланты.

А Вадик был просто восприимчив, быстро соображал, весь опыт через себя пропускал и делал правильные выводы. В том числе по жизни.

У всех у нас знакомые были, кто в криминал пошел. Мы всё это видели. Мы в футбол играли, ни черта не зарабатывали, – а они уже на «БМВ» ездили, в одежде дорогой ходили, с девушками шикарными. Чуть-чуть тоже всего этого хотелось. Смотришь, думаешь – ты же его в детстве гонял, а сейчас... Чем он лучше тебя? Такие мысли закрадывались, и хорошо, что хватило внутреннего стержня туда не пойти. Росли с кем-то вместе, а потом, как у Высоцкого, их «ветрами сволокло прямиком в остроги»...

* * *

Есть детские тренеры, которые внимательно следят за тем, как ребята учатся, делают все, чтобы они в институты поступили. Потому что понимают: не все двадцать человек будут играть, а вот людьми они должны стать развитыми. Пример таких специалистов – братья Горбачевы, которые тренировали в «Локомотиве» 1974-й и 1975-й годы. Оттуда вышли Олег Пашинин и Вова Маминов.

У Горбачевых в футбол, включая первую лигу, заиграло четверо-пятеро человек – не сумасшедший, но нормальный показатель. Зато в институты из сорока человек поступило тридцать! Это о многом говорит. Проверяли дневники, если все было плохо – общались с родителями и наказывали какими-то футбольными вещами, что для маленького футболиста болезненнее всего. Пашинин, кстати, на пятерки учился, Маминов – тоже хорошо. Я Пашина хорошо знал, поскольку Олег тоже из Мытищ.

Трунин в «Динамо» тоже уделял внимание учебе, и поначалу учился я хорошо. Но потом, с усложнением предметов, труднее стало. И Геворгизов, при всем моем к нему уважении, сильно на учебу не давил. Он был уже пожилой, за всем следить ему было сложно. Футболистам, как я уже сказал, дали полный карт-бланш.

Вот с этим-то карт-бланшем я, почувствовав вольницу, начал параллельно в футзал поигрывать. Там денежку, пусть и небольшую, можно было заработать, а чем старше ты становился, тем больше росла потребность хоть что-то, но в кармане иметь. Я и в «Локомо-

тиве», и в футзале ухитрялся и тренироваться, и играть. Может, оно и к лучшему: если бы был только в одном месте, после тренировки начиналась бы улица, а там – как знать. Тут же времени вообще ни на что не оставалось.

Присматривалась ко мне мини-футбольная команда «Минкас», я и с ними иногда тренировался сразу после футзальщиков. И был на игре, когда они на улице Лавочкина, во дворце спорта «Динамо», в финале Кубка «Дину» обыграли – 5:4.

Из-за этих футзала, мини-футбола я начал потихоньку пропадать. Геворгизов все это замечал. Говорил: «Ты чего, Вадик, какой еще мини-футбол?!» Значит, видел во мне потенциал. Ему было уже далеко за шестьдесят, он не первого футболиста в своей жизни тренировал. А я в «Локомотиве» выделялся, был лидером. И он убеждал меня, что я не должен хоронить свои способности. Нет, мини-футбол – тоже достойная разновидность игры, но Александр Иванович считал, что я достоин большего.

Сам я тогда еще не знал, чего достоин. Никакой уверенности в светлом футбольном будущем у меня не было. «Локомотив» тогда не слыл школой, каждый выпускник которой был нарасхват. Достаточно сказать, что в матчах чемпионата Москвы у нас иногда играло четыре восьмых номера, два шестых. Одновременно на поле! Нормальной формы с разными номерами не было.

Как на это реагировали судьи? Никак. Им-то какое дело? Протокола-то в детском футболе тогда никто не вел. Сами тренеры потом приходили в судейскую, говорили – кто забил, кто желтую или красную карточку получил. Раньше не то что трех судей на этом уровне не было, один появлялся – уже счастье. Иногда арбитр вообще не приезжал, и матч судил тренер одной из команд...

В общем, будущее было в тумане. Я поступил в ПТУ, и с футболом все могло скоро закончиться. До окончания локомотивской школы оставалось полгода.

И вот – 31 декабря 1992 года.

Готовлюсь к Новому году, никаких сюрпризов не жду. И вдруг меня находит Геворгизов. Домашнего телефона у нас на Новомытищинском не было, а мобильных в ту пору никто и вообразить не мог. В квартире телефон появился только в 1997-м, когда я попросил об этом администратора «Спартака» Валерия Жилиева. Он приехал в Мытищи, с кем-то связался и помог все организовать. Я к тому времени уже стал чемпионом России, но найти меня, если что-то срочное, можно было только по пейджеру...

В 1992-м и пейджеров никаких еще в помине не было. Но Геворгизов меня нашел. Я жил на четвертом этаже в 195-й квартире, а он позвонил соседям на пятый, в 196-ю. Слава богу, я оказался дома.

«Вадик, я договорился с тренером дубля «Спартака» Виктором Евгеньевичем Зерновым, что 3 января ты придешь к нему на просмотр. Он ждет тебя в манеже в «Сокольниках».

Я сразу понял, что это переломный момент всей моей жизни.

Шанс воплотить детскую мечту, какого у меня, скорее всего, больше не будет никогда.

И ухватился за этот шанс мертвой хваткой.

Глава третья

Восемь бутылочек для дедушки Горлуковича

Я топтался на январском морозе у входа в манеж, когда к нему подрулил автобус с дублем «Спартак». Хотя нет – уже зашел в холл и на лавку сел. А то начал подмерзать.

Многих ребят 76-го года рождения я знал в лицо, поскольку играл против них за локомотивскую школу. Но из того автобуса вышли не только дублеры.

Я и так-то те три дня, с 31 декабря по 2 января, ходил как замороженный, все думал: неужели моя мечта осуществится? А тут прямо мимо меня идут Черенков, Родионов, Тихонов, Стауче...

Я словно во сне, в сказке. Не мог даже шелохнуться.

В конце шел лысый тренер, но я не знал, как его зовут, и подойти постеснялся. Словно в ступор впал.

Он прошел мимо, потом обернулся: «Ты Евсеев? К нам тренироваться приехал?»

Я промычал: «Ну да».

«Что сидишь, пошли в раздевалку!»

Так мы и познакомились с главным тренером спартаковского дубля Виктором Евгеньевичем Зерновым. У которого мне суждено было провести три года, но я еще об этом не догадывался.

Если бы Зернов не сказал этих слов, я так и остался бы в холле. В раздевалку к Черенкову и Родионову, кумирам детства, точно не рискнул бы зайти.

Посмотрел он на меня – и после тренировки говорит: «Ну ладно, приходи на следующие занятия. Попробуем». Большого впечатления я на него явно не произвел – но, видимо, был не безнадежен. И благодаря рекомендации Геворгизова он решил дать мне шанс.

Оценивал я себя здраво – потому что было с кем сравнивать. Как может понравиться футболист, который из школы «Локомотива» пришел в спартаковский дубль, а там из самого «Спартак» – одного только моего 1976-го года такая банда, которая всех на части рвала? А ведь в дубле были еще и 1974-й, и 1975-й. Такие техничные ребята – даже сам Романцев головой качал.

Иногда, помню, Олег Иванович делал тренировки на технику. Так там двое ребят были – младший брат Володи Бесчастных Миша и Костя Веселовский (сейчас он в школе «Локомотива» в Перово работает), о которых Романцев говорил, что таких техничных в жизни не видел.

В завершение тех тренировок мы должны были удерживать мяч в воздухе, стоя друг напротив друга, в одно или два касания. Кто дольше всех? Я там надолго вообще не задерживался, да и все обычно скоро заканчивали – и всё ждали, когда у младшего Бесчастных и Веселовского мяч упадет. Ждали долго. Иногда даже у Романцева не хватало терпения, он свистел: ладно, все понятно, вы выиграли. Но в итоге ни один, ни другой в большом футболе себя, как должны были, не проявили...

Я тогда учился в ПТУ, которое в тот момент напрочь забросил. Потому что просмотр в «Спартаке» мог закончиться в любой день. И не так, как мне того хотелось.

Каждую неделю – игра, где меня выпускали только на замены. Минут на десять-пятнадцать. Играл куда поставят: на краю полузащиты, в нападении. Пять раз подряд выходил – и в каждом матче забивал.

Причем первый раз – в свой день рождения, 8 января! Через пять дней после того, как вообще там появился. В команде никто не знал, что у меня праздник – не такой я тогда был человек, чтобы незнакомым еще, по сути, людям об этом рассказывать.

Но подарок себе этим голом сделал – лучший в жизни. Играли с командой «Трестар» (Останкино). На 74-й Зернов выпустил меня на замену. На 79-й я заработал пенальти и сам вызвался его пробить. Понимал, что надо выгрызать каждый шанс. Счет был к тому времени – 6:0, и никто особо не возражал. Забил!

Счета матчей, в которых я забивал, конечно, были крупные – 7:1, 8:0. Но что-то тренеры, наверное, во мне все-таки увидели. И однажды начальник команды Валентин Покровский, ближайший человек Николая Петровича Старостина, поэт, чей вариант рассматривался на конкурсе нового текста гимна России, говорит: «Приезжай в клуб, подпишешь бумаги».

Тут я и понял, что остаюсь. И чуть не умер от счастья.

Я ведь мечтал надеть спартаковскую форму с того дня 1984 года, когда восьмилетним первый раз сходил на футбол. «Спартак» играл с московским «Динамо». И, кстати, проиграл – 0:2. Помню, за динамовцев там альбинос Вася Каратаев бегал, длинноногий защитник Буланов... Но я видел, как болеет за «Спартак» брат, – и уже не мог иначе. Ведь и отец был яростным «спартачом».

Когда я впервые сказал маме, что хочу футболом заниматься, она задумалась, куда ехать, но знала только одну школу в Москве – «Динамо». Ну как школу – метро «Динамо» всегда проезжали, значит, и спортивное общество, и футбольная школа там. А где находится школа «Спартака» – мама не знала, да и никто из знакомых объяснить не мог. Интернета же тогда не было...

Помню, приехали – и в первый раз меня не взяли! Это был второй класс, я еще без спортивной формы играл. Просмотр проходил на улице, так я в школьной форме и бегал. Коробка семь на семь. Гол забил, потом в какой-то момент в ворота встал. «Где играешь?» – спрашивают. «В воротах». – «Ну, иди и приходи в следующем году».

Узнал бы я тогда, где «Спартак», поехал бы – кто знает, может, и взяли бы. Но я послушался и приехал туда же, на «Динамо», через год. Просмотр был уже в манеже. А тренер тот же! Играю, ударил – а там не ворота даже, а две стойки деревянные. В одну из них попал – она сломалась.

«Иди сюда», – говорят. Думаю, всё, стойку сломал, надо будет деньги платить. Но просто сказали – садись, жди. Больше часа прошло, наконец спросили, где родители. Я указал на маму – и ей сообщили, что меня берут!

А потом оказалось, что те, кому год назад говорили: «Приходи в следующем году», спокойно приходили через неделю-две – и их брали. То есть и мне можно было быть понастойчивее. Но я послушался и потерял год. Тоже ведь урок.

Жалко только, что про «Спартак» так и не узнал. Слишком уж он мне казался чем-то далеким и невозможным. И все-таки он от меня не ушел...

Потом уже узнал, что меня во время того просмотра в «Спартаке» еще сам Старостин заметил – он на каждой игре бывал. Николай Петрович любил тех, кто бьется и, видимо, обратил внимание. И произнес фразу: «Вот этого парня – не трогайте! Это наше будущее!» Мне Покровский потом об этом рассказывал.

За два месяца просмотра в дубле «Спартака» я намертво ухватился за свою мечту детства. Просто не мог ее упустить. И не упустил. Сейчас уверен, что это и был главный, переломный момент в моей жизни.

* * *

Договор мне предложили самый крохотный, какой только был. В трудовой книжке значилось, по-моему, «стажер». Зарплата – если не ошибаюсь, 15 тысяч рублей, что означало, кажется, 20 долларов. Кто первый раз подписывал с дублем, тот столько и получал. Дальше

шел «Инструктор физкультуры» и 30 тысяч, потом 40, а у людей из основы было 200. Такие деньжищи для нас казались вообще недостижимыми, да мы о них тогда и не думали.

При этом в «Спартаке» оплачивалась победа в каждой игре, даже товарищеской. Премияльные составляли те же 15 тысяч, и в итоге за месяц выходило примерно 100 долларов. Это, кстати, для молодых правильный подход: побеждаешь, заслужил, – получай! А не автоматом, ничего не делая.

На первую зарплату, по-моему, кроссовки купил: «Адидас». А когда в конце года перерасчет был – то ли видеоплеер, то ли телевизор, а на следующий год – магнитофон. Дома-то техники не было, телик стоял старый, советский...

Когда в 1996-м в основу взяли, по тогдашнему курсу зарплата составляла около 400 долларов, хотя платили в рублях. При этом, что официально было написано в контракте, даже не знаю. Я ничего не смотрел. Мне давали бумагу, я не глядя подписывал. Деньги меня тогда не интересовали, я играл в любимой команде и получал от этого удовольствие. Да и обмана никакого не было: что говорили, то и платили.

К моменту просмотра в дубле «Спартака» я в ПТУ отучился уже полгода. Знакомые туда устроили после десятого класса. К тому же брат до меня той же специальностью овладел. Причем не так, как я, а по-настоящему. Для него в машинах секретов нет.

Эти первые полгода учился достаточно прилежно. Но из-за просмотра в «Спартаке» на училище, откровенно говоря, забил, и меня оттуда уже собирались выгонять. Пришел, объяснил, что теперь играю в дубле «Спартака». Они мне все равно: «Учись!»

В дубле тренировки проводили утром и вечером, так что о серьезной учебе можно было забыть. Но из ПТУ все-таки не выгнали. Потому что выяснилось: директор любит футбол. Болел он, правда, за ЦСКА, но тогда они со «Спартаком» еще не были такими яростными оппонентами. Он меня понял, и в дальнейшем я в училище только справки приносил. Диплом дома лежит – вместе со вторым, из института физкультуры в Малаховке.

По профессии я вообще-то автослесарь, если ту учебу брать. Правда, коли машина забарахлит – не почию. Только ездить могу – ну, еще колесо поменять. Впрочем, сейчас такие машины, что туда внутрь руками лезть не стоит. А в училище, помню, меня в декабре 2003 года, после Уэльса, директор пригласил. Я с удовольствием приехал...

Окончил ПТУ в 1994-м, в разгар лета. Мне восемнадцать лет, до института оставался еще месяц, и вдруг однажды в семь утра – звонок в дверь. Бабушка открыла – там два майора на пороге. Она сразу испугалась, подумала, будто я что-то наделал. А они вопросов не задают, просто строго представляются: «Майор милиции, майор армии такие-то. Собирайся». И в военкомат.

Там прошел медкомиссию, и уже почти отправили в ВДВ. Всего одного сантиметра роста не хватило! Под конец дали повестку: «Через три дня с вещами». Я до конца всерьез все это не воспринимал – и стал, смеясь, объяснять им, что не приду. Ведь я футболист дубля «Спартака», у меня все только начинается, впереди институт... Но повестку, конечно, подписал.

Приезжаю в Тарасовку. Понимаю все-таки, что вопрос серьезный, и на цыпочках захожу к Романцеву, на тот момент еще и президенту клуба, посоветоваться. Олег Иванович, мол, так и так... Он повестку в руках повертел, прочитал и говорит: «Сейчас Старостин приедет, ты к нему обратись. Да, и недельку тут на базе поживи. На всякий случай».

Приезжает 92-летний Николай Петрович. Входит в курс дела и произносит два слова: «Я разберусь». Кому он там звонил, что говорил – никто мне потом так и не рассказал. Но больше по армейской части вопросов ко мне не было.

Так сам основатель «Спартака» спас меня от армии. А ведь если бы туда загремел, скорее всего, не было бы у меня никакой футбольной карьеры. Но потом я сдал экзамены в институт физкультуры в Малаховке – и вопрос с армией закрылся.

Учеба, конечно, та еще была. Если бы не начальник команды Жилиев, не знаю, как и что сдали бы. Он туда и с нами ездил, и без.

Из «Спартака», основы и дубля, там аж двадцать три человека училось. Один Андрей Мовсесян – в Черкизово, в РГУФКе. Мы часто целый автобус от Сокольников брали – и на учебу. Утром все вместе туда, в два часа дня оттуда – чтобы к вечерней тренировке успеть. Машин еще не ездило столько, сколько сейчас, можно было время рассчитать.

С первого по третий курс сам все сдавал, а ближе к окончанию «хвостов» накопилась уйма. Впрочем, как и у всех. Решался вопрос просто. Заходил наш куратор, денег давал – зачет ставили. Иногда и сами давали.

Допустим, предмет – массаж. Мы приезжали, куратор заносил преподу подарок. В зависимости от того, мужчина или женщина, – бутылку водки или шампанского. Или деньгами. Я подсчитал, что закрыть четвертый курс и сдать все экзамены вышло две тысячи долларов.

Сейчас в этом смысле не то что преподаватели – дети требовательные пошли! Тут недалеко, под Плёмом, дача премьер-министра Дмитрия Медведева. Недалеко – детский дом, которому его жена помогает. Ребята из команды рассказывают – приехали туда в первый раз, привезли подарки. Те так придирчиво смотрят: «А чего вы нам подарите?» – «В смысле?» – «Ну, нам плазма нужна».

Такой вот детский дом.

* * *

А на базе пришлось тогда пожить дней десять. Как раз чемпионат мира в США шел. Помню, с Липко и Коноваловым смотрели матч против Камеруна, который наша сборная 6:1 выиграла. Тогда я еще и подумать не мог, что сам пусть не «на мире», но «на Европе» сыграю.

А Старостин в свои за девяносто ездил с дублем на автобусе на все выезды! Ехали ли мы в Воскресенск или Александров, что довольно прилично от Москвы, – везде колесил. В Новомосковск, что под Тулой, играть против «Дона» – была такая команда. И туда Николай Петрович с нами ехал. Он всю жизнь в футболе, и даже в таком возрасте ему это было интересно.

Виктор Евгеньевич Зернов – добрейшей души, интеллигентнейший, воспитанный человек. Даже когда повышал голос, было видно, что делал это без всякой охоты. Может, он даже слишком добрый для футбольного тренера. Но совершенно точно знаю: в спартаковском дубле он находился на своем месте. Лично мне он дал дорогу в большой футбол, за что я ему очень благодарен.

Почему пошел к нему в «Спартак», а не в дубль «Локомотива»? Туда я захаживал, когда еще в школе локомотивской последний год учился. Но там приоритет ребятам постарше отдавался. Да и тренировались мы не на поле, а за стадионом, где были «резинки», всякие теннисные, гандбольные, баскетбольные площадки. Особого желания играть за дубль «Локомотива» я не испытывал, да и приглашения конкретного я в общем-то не получал. Так что спасибо Геворгизову, у которого были хорошие отношения с Зерновым...

О работе с Виктором Евгеньевичем остались самые теплые воспоминания. Бросалось в глаза, как он любил техничных игроков. Мишу Рекуца, например, царствие ему небесное. Или Мишу Бесчастных.

Интересно было наблюдать за хитростями Зернова, когда ему из основы передавали игроков – дисквалифицированных или тех, кто в состав там не проходил и кто хотел набрать игровой практики в дубле. А мы же все слышим, только виду не подаем! Кого-то Зернов брал, кого-то – нет. А происходило это так.

Подходит, например, Валера Величко – был такой крупный нападающий. «Виктор Евгеньич, можно за дубль сыграть?» Тренер отвечает: «С удовольствием! Но только...» Тут берет паузу, делает значительное лицо и веско добавляет: «...Олег Иванович сказал: «НЕ НАДО!»»

При том что Романцев, конечно, ничего не говорил, а Величко просто Зернову стилем не нравился. Зато подойдет техничный Олег Надуда, тоже попросится – и вот тут уже Зернов реагирует иначе: «Конечно-конечно, поехали!» А его земляк украинец Нагорняк, силовой форвард, спрашивает: «Можно, ну Евгеньич, Надуда же играет?» Зернов отвечал: «Нельзя. Олег Иванович сказал, что тебе лучше тренироваться...»

А еще выпало мне счастье в 1993 – 1994-м с Федором Черенковым и Сергеем Родионовым, завершавшими карьеру, в дубле поиграть.

Какие это люди, какая школа! Я бегу, открываюсь, Черенков спиной к чужим воротам с мячом – смотрю, а мяч уже у меня в ногах. Все видел! Играл в одно-два касания, не обводил, лишнего ничего не делал. Вот она, спартаковская игра как она есть!

А как у Родионова удар был поставлен! Сейчас у нас никто так не бьет. И человек интеллигентнейший. Сколько всего в футболе достиг, а злого слова от него молодые не слышали. Наоборот, подсказывал, что да как. Сергей тогда как раз из Франции вернулся – и хоть ему 33–34 было, на него любо-дорого было посмотреть. Недаром, выходя иногда за основу, он весной 1994-го, например, в Лиге чемпионов не кому-нибудь, а «Барселоне» забил. Очень рад, что он сейчас стал генеральным директором «Спартака». Достойный человек.

А с черенковского паса я даже забил однажды, помню. Играл в Лужниках, на тех полях, что левее центрального входа. Когда-то там была футбольная школа «Салют», а сейчас на этом месте автостоянка. Играл с «Чертаново», одержали уверенную победу – и сам Черенков отдал мне голевой пас. Я представить себе такого не мог.

И человеком он был просто добрейшим. Таких мало, почти нет. Больше мы общались, конечно, не тогда – в дубле я еще очень скромным был, – а когда за ветеранов вместе играли. Но и как дублеру всегда какие-то советы очень спокойным, тихим голосом давал, никогда не кричал.

Тогда, в 1993-м, мы играли два матча с коломенским «Авангардом» – одну на Кубок, другую в чемпионате. Едем обратно на «Икарусе» после второй игры, сажусь ближе к задним местам, вдруг унюхал курево. Оказывается, Черенков курил!

Я поражен был: кумир детства – и курит. Ну так все – живые люди. Тогда и начал это понимать. Представить себе не мог, что Лев Яшин вообще при тренерах спокойно курил, и ему никто не мог запретить, потому что он – Яшин.

* * *

Передали мне как-то, что Александр Тарханов в большом интервью «Спорт-Экспрессу» рассказал следующее: мол, когда я был в дубле, Романцев хотел меня оттуда убирать – не уровень, мол, – но Зернов меня отстоял. Сказал главному тренеру: ну играет парень в дубле, кому мешает-то?

Никогда об этой истории раньше не слышал и не знаю, правда это или нет. Зато отлично помню другой момент. То ли в 1993-м, то ли в 1994-м, незадолго до ухода Тарханова на пост главного тренера ЦСКА, основа и дубль «Спартака» тренировались вместе в манеже в «Сокольниках». Основной состав на одной половине поля, мы – на другой.

Делали так называемую «венгерку» – передачи в парах, на месте и в движении, минут по двадцать. Ее как раз и проводил Тарханов. Мы работали в паре с Саней Ширко, и тренер дал упражнение на жонглирование.

Подходит Александр Федорович к нам, смотрит. Хвалит Широко, а мне довольно раздраженно говорит: «Не так жонглируешь!» И так он это сказал, так себя повел, что стало совершенно понятно, о чем он подумал. Мол, ты не будешь футболистом – нет у тебя чувства мяча. Хотя впрямую таких слов не прозвучало, но имел в виду Тарханов именно это.

А все потому, что я в напряжении был, а Широко делал упражнение спокойно, на расслабоне. Да и вообще-то, по правде говоря, жонглирование, или, как в детстве говорили, чеканка, никогда к моим сильным сторонам не относилась...

Словом, вбилося мне тогда в голову, что из меня футболист не получится, а Широко им легко станет. Задело меня это, конечно. А когда меня что-то задевает, заводит, я всегда с утроенной энергией стараюсь доказать обратное. Такой характер.

В «Спартаке», если плохо с мячом обращаешься, – ты вообще не футболист. Но ведь в команду приходили и те, кто с мячом был на «вы», зато имел другие качества. А потом со временем тренировки добавляли этим игрокам техники, а те, другие свойства никуда не пропадали. И люди начинали приносить пользу команде.

Говорят, что именно так произошло в свое время с Валерой Карпиным, да и я помню еще как болельщик «Спартака», что первое время он с мячом особо не дружил. Зато потом уроки Романцева впитал – и со своей работоспособностью оказался в полном порядке. Что потом и в Испании доказал.

Кстати, на первом матче Карпина за «Спартак» в 1990 году – том самом, знаменитом, с ЦСКА в «Олимпийском», когда он вышел на замену при 3:4 и сделал две голевые подачи, – я на трибуне сидел. В «Олимпийский» захаживал еще когда занимался в динамовской школе – мы там часто мячи подавали. Половина из нас за «Динамо» болела, половина, включая меня, за «Спартак». Но на тот матч я просто купил билет, – был тогда уже в школе «Локомотива».

А насчет техники – со мной, наверное, произошло то же, что и с Карпиным. За исключением того, что за границу я так и не уехал. Никогда не забуду эти сумасшедшие романцевские квадраты четыре на четыре в два касания. Пять минут подряд ты работаешь на износ. Доходило до того, что ты не дышишь, а шипишь. Но отдавался я полностью. Пять минут, потом небольшая пауза, смена – и еще пять минут. Уф-ф...

Но в этих квадратах все росли, и я тоже. Вот только настоящий эффект я почувствовал уже позже, в двадцать пять – двадцать шесть лет. Когда стал поопытнее – и понял, что во многом благодаря тем тренировкам читаю игру совершенно иначе, чем раньше.

В «Локомотиве» тоже квадраты были, но все-таки не такие. Там (в отличие от каких-то других упражнений у Семина) можно было позволить себе чуть-чуть расслабиться и поработать вполноги. А у Романцева – попробуй только! Это же главное упражнение было, и интенсивностью отличалось адской.

Если хоть кто-то у него из квадрата выпадал – доставалось по первое число не только этому несчастному, но и всем. Поэтому халтурить было невозможно – твои же партнеры от тебя бы мокрого места не оставили. Не нравится Иванычу, как мы работаем в квадрате, – запросто мог «максималку» дать. А это – смерть.

Хотя тоже не всегда. В зависимости от того, как мы готовы. Помню, в 1999-м были на сборах в Анталии, в отеле «Мираж». Поле узкое, сетка его огораживает. Конец сбора, играем в футбол. Видимо, поднаелись, и что-то Романцеву не понравилось. Свистнул: «Всё плохо, давайте на бровку». И побежали «максималку».

Это бег минут на двадцать пять. Поперек поля – от одной бровки до другой. Туда по пути какое-то упражнение, а обратно включаешь полную скорость. Потом повторяешь. Раз семь без пауз. После короткий отдых – и по новой. Иногда людей выворачивало – правда, почему-то обычно в манеже.

Но в тот раз дал бы он ее нам на первом или втором сборе – умерли бы. А тут конец третьего, и физически мы готовы. К тому же поле, повторяю, узкое, и, чтобы не врезаться в

сетку, заранее сбрасываешь скорость – а это позволяет чуть-чуть отдохнуть. В общем, бегаем себе и бегаем, ничего нас не прониимает.

А Романцев зачем все это сделал? Чтобы мы задохнулись, поняли, что в игре недоробатывали. Но тут видит: не помогает. Громко говорит: «Тьфу!» – и заканчивает тренировку. Обиделся, что решил нас наказать, а не прокатило. Мы терпим и бегаем...

Что такое спартаковская игра, я начал понимать еще ребенком – но еще неосознанно. Ходил на стадион и видел, что «Спартак» играет в один футбол, а все остальные – в другой. А когда уже пришел в дубль, во всем разобрался – тренировки-то у Зернова были такие же, как в основном составе. Технический комплекс, квадраты, забегания, стеночки – как от этого не получать удовольствие?

Когда уже перешел в основу, постоянно слышал от Романцева: «Хозяин не тот, кто с мячом, хозяин тот, кто без мяча». Если ты правильно открылся, то не прав будет тот, кто с мячом, – почему тебе мяч не отдал?

В дубле были ребята, которые этот футбол чувствовали гораздо лучше меня. Тот же Миша Рекуц – техничный, с головой, читал игру как азбуку. Физически слабенький, а видение игры потрясающее. Но не воспользовался своим шансом, а потом не туда, видимо, человека утянуло. Как и многих других.

А я знал, что шансов в жизни упускать нельзя – не упустил во время просмотра и дальше не собирался. И шел к мечте шаг за шагом. В 93-м году забил за дубль три мяча, в 1994-м – уже двенадцать. В 1995-м – шесть, но тогда уже перешел из средней линии в защиту. У нас не хватало защитников, и в середине сезона, в матче с командой «Красногвардеец» Зернов поставил меня на край обороны. Получилось, причем в том матче я еще и забил, и голевой пас отдал.

Мы выиграли – 2:1, и тогда тренер сказал: «Всё, это – твоя позиция». Увидел, что из глубины мне играть лучше, и это оказалось правдой. Вот что такое – тренерский глаз.

* * *

В межсезонье-95/96 из дубля убрали Зернова. Главным там на какое-то время стал Вячеслав Грозный, с форвардами работал Сергей Родионов, с полузащитниками – Федор Черенков, а с нами, защитниками, – Виктор Самохин. Он мне много и по делу подсказывал. Спокойный, уравновешенный человек, приятный в общении.

Две недели поработал с ними, а потом основной состав приехал со сборов, и по рекомендации Грозного меня взяли туда. Видимо, неплохо на тренировках выглядел.

Нет, не то чтобы он сказал штабу первой команды: вот есть парень, берите. Просто беда случилась – на мини-футбольном турнире в Германии с тяжелым переломом ноги на весь сезон вылетел Дмитрий Хлестов. Потребовалась срочная замена, и я поехал с командой на второй сбор в Израиль. Даже испугаться не успел.

Хотя к тому времени на такой поворот и близко не рассчитывал. Многие говорят, что, если бы Дима ногу не сломал, то я так в дубле и продолжал бы играть. Думаю, это правда.

Это был в моей жизни еще один шанс. И, как и на просмотре в дубле, я тоже его использовал.

Наверное, помогло мне и то, что в межсезонье Олег Иванович решил, оставаясь президентом «Спартакa», сосредоточиться на работе со сборной, а главным тренером назначил Ярцева. Романцев не давал молодым столько играть, сколько Георгий Александрович. Дубль же играл хорошо, за три года я с ним, играя во второй лиге против взрослых мужиков, занял три призовых места. И омолаживать команду решили за счет нас.

А тогда многие из основы поуходили: Оношко, Кульков, Юран и Черчесов уехали за границу, вскоре, уже по ходу сезона, за ними последовали Никифоров со Шмаровым.

Когда я еще был в дубле, Черчесов часто просил после тренировки поработать с ним отдельно – он, например, на ближнюю штангу встает, а я ему в дальний бью. Или под углом, или еще как-то. Он здорово чувствовал ворота, и ему важно было тренировать не просто броски, он работал, чтобы суметь прочесть, прочувствовать любую игровую ситуацию.

А я бил сильно и точно – может, поэтому он меня и просил. Особенно мне запомнилось, когда он одну руку сломал – и, насколько мог, тренировал другую. На один бок прыгал, мяч одной рукой доставал. Это впечатлило очень сильно.

И общаться с ним было интересно, перед тренировкой или после. Он всегда говорил красиво, формулировать умел. И игровиком был – у нас в Тарасовке в одной комнате лежали домино, шашки, шахматы, так ему по домино равных не было. Даже там игру лучше всех читал!

В шахматы они с Зерновым всегда рубились. Но это вечерами. А в день игры перед установкой обычно в ход шло домино – все же попроще, особо сосредоточиваться не надо. Но во что бы ни играли – Черчесов был номер один.

А тут и он, и большинство других опытных игроков уехали, да еще и Хлестов сломался. Он никогда ног не убирал. Злой защитник, изначально не обладавший какой-то техникой, но постепенно в «Спартаке» научили: еще один пример того, что в этой команде ты волей-неволей начинал со временем понимать игру.

Хлестова я ни разу в подкате не видел, потому что он никогда позицию не проигрывал. Всегда стоял на ногах, читал игру, смотрел в глаза сопернику и предугадывал по его взгляду, что он дальше сделает. А в 1999-м поразил всех пасом через полполя на гол Панова французам на «Стад де Франс». Никто глазам своим поверить не мог, что это Хлест сделал!

С Димой мы уже позже сошлись, когда он поправился и к команде присоединился. Объединили нас видеоприставки, игры разные – хоккей, «стрелялки»... Он чаще выигрывал, особенно в НХЛ. Я обычно за «Детройт» играл, потому что там наших много было. Но настоящий «Ред Уингз» побеждал намного чаще, чем я Хлестова во всех этих игрищах.

Помню, на сборах в 1997-м каждый день одно и то же: оттренировались, пришли – и играть. Пообедали, поспали, поработали – и опять играть. К тому же похожи были на тот момент: молчаливые, закрытые.

Прозвище в команде у него было – Барези. Меня-то до поры все от фамилии называли – Евсеем, Евсом. А потом я волосы длинные отрастил, и тренер Грозный прозвал меня Батюшкой.

Основа «Спартака» не была каким-то недостижимым миром, на который мы, дублеры, смотрели снизу вверх, задрав голову. Что хорошо, в команде основа и дубль жили на базе вместе. Это сейчас два состава могут встретиться в лучшем случае в самолете, когда на игру выездную летят. А тогда тренировочный процесс у дублеров был такой же, и это помогало потом легче влиться в основу. Ну а когда были перерывы на матчи сборных, тогда и вовсе тренировались все вместе.

Поэтому не стоит удивляться, что столько народу из дубля середины 90-х попало в основу. Процесс адаптации для нас был очень мягким. Да и вел я себя аккуратно – обязательно спрашивал, куда можно сесть в автобусе или раздевалке, или просто заходил последним, когда все уже рассядутся.

Дедовщины особой не было – ну, разве что молодые всегда носили мячи. Егор Титов, как только за основу стал играть, мячи сразу носить перестал. А мне-то чего, жалко, что ли? Мы с Артемом Безродным, который совсем еще юным был, их обычно и таскали. И не только мячи, разные вещи – сумки с формой, доктору и массажисту помогали.

Безродный талантом обладал, недаром он в 2000 году несколько мячей в Лиге чемпионов забил. Но человеком он всегда был довольно странным. Вообще никого не слушал: как

решил – так и буду. Как в игровом плане, так и в житейском. Со старшими всегда пререкался любил. Ну вот и пропал быстро, хотя имел все шансы заиграть на очень высоком уровне.

А я попал в первую команду и поставил себе цель: только бы отсюда уже не выпасть. И ни дня больше в дубле не провел. А то ведь кто-то здорово играл в основе, а потом опять оказывался в дубле – или вообще в другие команды поскромнее уходил. Например, два моих приятеля – Андрюха Коновалов и Саня Липко. Саня – тот вообще после 1996-го ушел, Андрей – годом позже. Хотя он в 1996-м в золотом матче голевой пас Илье Цымбаларю отдал.

Мы с Липко и Коноваловым подружились в дубле, когда я летом 1994-го, скрываясь от армии, по совету Романцева десять дней на базе жил. Делать было нечего – мы в Санины «Жигули» садились и ездили по Тарасовке. Липко – краснодарский пацан, балагур, рот у него не закрывался. Жалко, быстро из «Спартака» ушел...

Больше ни у кого из нас, молодых, тогда машины не было. Права-то я только в 1995-м получил. Хотя как получил – Рамиз Мамедов мне их сделал за 500 долларов. Полгода ждал! У него завязки были в каком-то городе – то ли Рязани, то ли Тамбове. Сказал, что может сделать, – и я согласился.

А машину свою первую я как раз у Липко купил – «семерку» кремового цвета. Ей на тот момент лет десять было. Как-то она на Кутузовском возле дома Цымбаларя заглохла – ну он прямо там и решил ее мне продать. Мой брат приехал, что-то там поделал – и все, завелась. А обошлась она мне в тысячу долларов за все про все.

Ездил я на ней довольно долго. До 98-го года точно. Потом отдал ее брату, а себе купил 99-ю модель «Жигулей». А вскоре мне дико повезло. 17 августа 1998 года в полдень я продал машину за шесть тысяч долларов. А тут – дефолт! И рубль понесся вниз с такой дикой скоростью, что в три часа дня я за эти деньги мог купить себе уже три такие машины.

Потом у Хлестова третью модель «БМВ» купил, которую он еще в 94-м году на ВДНХ приобрел. А когда однажды я решил ее продать – выяснилось, что это невозможно. Это была какая-то машина-гибрид, чуть ли не из двух разных собранная! Так что отдал я ее Димону обратно, а он уже кому-то толкнул.

* * *

Прошли мои первые сборы с основной «Спартака». Показал я себя на них, видимо, хорошо – раз сначала на третий сбор взяли (в чем уверенности никакой не было), а потом...

Первый же матч в сезоне нас ждал убойный – четвертьфинал Лиги чемпионов с французским «Нантом». Ведь предыдущей осенью опытный состав с Черчесовым, Онопко и командой шесть побед в шести матчах группового турнира Лиги одержал. Чемпион Англии «Блэкберн» два раза прибили – и в гостях, и дома! В «Лужниках» их так возили, что два игрока соперника, Ле Со и Бэтти, прямо на поле между собой подрались.

Вот, с одной стороны, очень жалко, что такой классный состав у нас на весну не сохранился. А с другой, останься все они в команде – я бы и мечтать не мог, чтобы с «Нантом» сыграть. Да вообще в дубле продолжал бы сидеть. А так...

Не то чтобы был уверен, что выйду на поле стадиона «Божуар», но понимал: скорее всего. Потому что в товарищеских матчах меня наигрывали в основе. Романцеву и Ярцеву уже было ясно по тренировкам, кто выйдет на поле. Если в квадраты четыре на четыре выходят, например, четыре защитника и четыре хава, значит, составы задней и средней линий известны. Я там работал постоянно. Вот впереди нельзя было знать заранее, кого они поставят.

На установке Ярцев объявил: «Евсеев – слева, Мамедов – справа, по центру Никифоров и Липко». И тут я понял, что моя первая официальная игра за основу «Спартака» будет в четвертьфинале Лиги чемпионов!

Нет, в штаны не наложил. Но волнение и переживания, конечно, были – сильнее, наверное, не нервничал никогда – разве что перед золотым матчем с «Аланией». Но перед «Нантом», наверное, все-таки сильнее. Не ударить в грязь лицом. Ничего не «привезти». Да и просто – не перегореть. Все-таки 30 тысяч на трибунах – я при таком количестве народу в жизни еще не выходил.

Ни Ярцев, ни Романцев ничего мне отдельно перед игрой не говорили. Не помню уже, летал ли на игру Олег Иванович, а на сборах накануне точно был. Но никаких отдельных бесед не было. Не хотели лишний раз дергать, наверное.

Я и сам понимал: главное – не допускать ошибок. И старался играть проще: отобрал – отдал, отобрал – отдал. Так и освоился. Да, моментов мы в первом матче не создавали и проиграли – 0:2. Плохо, конечно, но, по крайней мере, голевых ошибок не сделал и другие проблемы из-за меня тоже не возникали.

Зато ошибся в ответном матче с тем же «Нантом». При счете 2:0 в нашу пользу мы с Липко вместе пошли на верховой мяч, помешали друг другу, не попали – и получили голевую контратаку...

В том матче на «Локомотиве» Ярцев неожиданно для всех, в том числе и для французов, поставил Никифорова опорным полузащитником. Мы это уже на тренировках поняли, что так произойдет, хотя сам Юра сначала был этой позицией недоволен и много спорил.

Но Ярцев знал, как здорово, мощно и точно Ника бил – пушка у него просто сумасшедшая была. И переставил его в центр поля, сказав как можно чаще подключаться к атакам и не стесняться бить издали.

И к концу первого тайма Никифоров забил два мяча! Один – как раз мощным ударом, другой – головой после углового. И по итогам двух матчей уже было равенство.

Во втором тайме я первый раз в жизни столкнулся с большой судейской несправедливостью. При счете 2:0 швейцарский судья Мументалер не назначил стопроцентный пенальти в ворота французов. Мы в тот момент играли с таким куражом, что при 3:0 они никогда в жизни бы не отскочили! И мы вышли бы в полуфинал Лиги чемпионов...

Я четко видел, что Кешу, Валеру Кечинова, сбили, сзади в него въехали. Как мог судья этого не разглядеть – до сих пор не понимаю. А потом как раз и случилась наша с Липко ошибка, и Уэдек один мяч отыграл. И закончилось все ничьей 2:2 и нашим вылетом.

Кто мог подумать, что ни один российский клуб с того момента и до сих пор до полуфинала Лиги чемпионов не доберется.

Впрочем, не думаю, что нас тогда убивали. Это была просто одна ошибка. А вот в ответном матче «Локомотива» против «Монако» в 1/8 финала весной 2004-го их была целая серия. Но с худшим «убийством» в жизни, наглым и неприкрытым, я столкнулся, когда играл за «Торпедо» в Екатеринбурге. Занимался им известный специалист по этому делу Юрий Ключников. Работал он «качественно», если переехал из Ростова в Москву жить...

А после ответного матча с «Нантом» разочарование было такое, что я думал: все пропало, все закончено. С игрой за основу можно попрощаться, сейчас на мне поставят крест.

Ждал резкой критики за тот гол, был готов ко всему вплоть до отправки обратно в дубль. Но ничего не случилось. Всё как и прежде, спокойная обстановка, все тренируются и готовятся к следующему матчу.

Через три дня играли дома с новороссийским «Черноморцем», и мои опасения начали сбываться: в составе себя не нашел. Но, видимо, тренеры просто дали переварить случившееся. Потому что в следующем туре я вновь вышел на поле.

Причем с кем – со «Спартаком-Аланией», действующим чемпионом России! И мы своей молодой командой не просто выиграли, а разгромили владикавказцев – 4:1, а я прилично сыграл. И даже голевую передачу отдал.

* * *

Это было 30 марта, а 1 мая, то есть через месяц, в полуфинале Кубка России с очень сильным тогда «Ротором» у меня случилась большая радость. Первый гол во взрослой карьере!

У этого гола была своя предыстория, как раз связанная с тем самым разгромом «Спартак-Алании» в чемпионате. В том матче мы разыгрывали штрафной, Цымбаларь отдал пас мне, я откатил мяч назад под удар Никифорову, и он сравнял счет.

А тут, с «Ротором», уже он мне выкатил. До сих пор помню его слова: «Это тебе за «Аланию»!»

А ведь он был уже очень опытным игроком и летом уехал за границу. А я-то кто? 20-летний пацан, только в состав попавший. С момента того моего паса больше месяца прошло. И вдруг Никифоров мне говорит, что должок возвращает. У меня все это в голове с трудом укладывалось. И радость дикая была – не где-нибудь, а в полуфинале Кубка забил!

Кстати, перед ответным матчем во Владикавказе мы с Сергеем Горлуковичем, моим соседом по номеру, опоздали на установку. Я перепутал время и сказал ему – спи спокойно. Когда спустился в зал, увидел, что дверь приоткрыта, все Ярцева слушают. Тут же помчался наверх Горлуковича трясти.

Под шумок узнали, что в составе, и пошли чаек пить как ни в чем не бывало. Думали, Ярцев просто не заметил нашего отсутствия, но уже потом, после игры, он все высказал. Мол, неужели вы думаете, что я ничего не вижу?

Но он не стал устраивать из этого скандал. Хотя соперник сравнял счет в добавленное время и настроение было поганым – победа прямо из рук уплыла. После такого могло по-всякому повернуться – но, к нашему счастью, не повернулось. Дед-то, Горлукович, ладно, он в своей жизни и не такое повидал, ему вряд ли могло влететь. А вот мне, молодому...

Опоздаю я за всю карьеру только один раз – на тренировку в «Локомотиве». Команда уже минуты две выслушивает Семина, чем заниматься будем. Он дает свисток: «Побежали!» И тут влетаю я: «Минуточку...» Палыч напрягся, думал, стряслось что-то. А я протягиваю сто долларов: «За опоздание»...

Перед самым перерывом на чемпионат Европы в Англии, куда Романцев сборную повез, я и в чемпионате первый мяч забил – сочинской «Жемчужине». При 1:1 – а учитывая, что мы выиграли 3:1, гол этот оказался победным. С лета попал. Коновалов навесил, Тихонов крикнул: «Оставляй!» – наверное, головой хотел пробить. Но я все-таки рискнул и ударил. Попал в ближний угол. А потом тот же Тиша забил третий, так что праздника мне ничто не испортило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.